ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1830 году
при участии А. С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№22
(6600)
7–13 июня 2017
www.lgz.ru
Выходит по средам

ЧИТАЙТЕ

11 В ожидании определённости

Геополитический обзор от Леонида Ивашова – состоится ли «Арабское НАТО», какова роль России в конфликте на Корейском полуострове, чего ожидать от украинских властей в Донбассе?

12 Судьбу не переиграешь

Борис Морозов поставил в Театре Российской армии булгаковскую «Кабалу святош». Спектакль стал, без сомнения, событием сезона.

14 • 15 «Губернии быть особо...»

Об указе Петра I, его замыслах и их воплощении в жизнь на протяжении трёх веков, личной сопричастности к судьбе и величию державы размышляет губернатор Астраханской области Александр Жилкин.

18 • 19 Преемственность мастерства

70 лет исполняется известному казахскому поэту Нурлану Оразалину.

ТЕМА НОМЕРА

Царь Пушкин

В Москве завершился фестиваль „Красная площадь“

Хорошо, что в эти четыре июньских дня под стенами Кремля выросло многоцветье издательских стендов, на которых москвичам и гостям столицы представилась возможность ознакомиться с разнообразнейшей книжной продукцией. Хорошо, что Красная площадь на время спрятала свою имперскую строгость, превратившись в нечто бурлящее, непредсказуемое, пытающееся за счёт лихости и убеждённости в своей правоте преодолеть хмурость и злобность погоды. Хорошо, что в разных частях фестивальной вселенной прошли встречи, презентации, мини-концерты. Хорошо, что все, кто пришёл на этот праздник книжной культуры, ощущали себя как дома в каждом шатре, около каждого стенда... Но самое главное, что центральная наша площадь, легендарная наша площадь, историческая и изначальная наша площадь зазвучала... Словно какой-то невидимый композитор инструментовал всё в одну звуковую концепцию, где не осталось ничего низкого, ничего недостойного... Слово, настоящее, пушкинское царило свободно и легко... Все, кто бродил в эти дни по Красной площади, поневоле изъяснялись друг с другом изящно и красиво... И произошло чудо. Все прекрасные слова, благословлявшие ежесекундно книжный фестиваль, провели новую вечную коронацию... И в пушкинский день, в день рождения гения, в День русского языка, Александра Сергеевича выкликнули царём... И почему-то есть уверенность, что это царствование будет для России самым счастливым. И пусть пушкам велено молчать, когда поют музы. Но наши пушки заряжены великими словами, и наши выстрелы способны не только разогнать тучи, но и создать непробиваемый щит против пошлости, хамства, агрессии и просто против мировой несправедливости...

Продолжение темы на стр. 3, 4, 5

СТИХИ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

Юнна Мориц

* * *

Малюсенький шарик земной,
Две трети – простор водяной,
А треть – это суша, где яблоня, груша
И крыша моя – между небом и мной.

Малюсенький шарик земной,
Ты – шарик такой кровяной,
Кровавая рана, где хлещет из крана
Кровавым потоком – война за войной.

Малюсенький шарик земной,
Единственный – в жизни одной,
Родной этот шарик,
где шарит кошмарик –
Ограбить, угробить ударной волной.

Таков интеллект головной –
Ограбить страну за страной,
Сослаться на Бога и хваткой бульдога
Вцепиться в малюсенький шарик земной.

Малюсенький шарик земной,
Лесной, водяной, травяной, –
Летают планеты, где нет ни монеты,
Войны – ни одной, и души – ни одной!

Малюсенький шарик земной,
Такой кровяной и родной,
Где ангела дымка, и он – невидимка,
Над крышей поёт между небом и мной.

Продолжение темы на стр. 6

КНИГА НЕДЕЛИ

Лариса Черкашина. Пушкин и родословие Любви. От прадедов к внукам

М.: Вече, 2017

304 с. 1500 экз.

Новая работа пушкиниста Ларисы Черкашиной на этот раз посвящена жизни потомков поэта, трагическим и счастливым моментам их судеб. Жизнь и судьба основателя «ЛГ» хорошо известны, теперь пришла очередь потомков – от прадедов к внукам.

«Некогда на рукописной странице «Медного всадника», – отмечает автор, – рядом со строками о Петре Великом, коему было «суждено в Европу прорубить окно», поэт нарисовал один из самых проникновенных портретов Натали. Этой хрупкой красавице с кротким и печальным взором предстояла особая миссия: прорубить своё «окно в Европу».

В прошлом веке внуки основателя «Литературной газеты» отметились и на других континентах. Флоренция и Париж, Брюссель и Сан-Франциско, Париж и Лондон, Базель и Висбаден давно стали пушкинскими городами. В этих городах живут наследники Александра Сергеевича.

Читать про судьбы потомков невероятно интересно! Лариса Черкашина находит для повествования о каждом из героев своей книги особую интонацию. Одни названия глав говорят сами за себя! «Роковые страсти Пушкиных-Ганнибалов», «Лев Пушкин, «человек пылкий», «Альбомные баталии и штурм «крепости Карс», «Огончарован», «Мадемуазель Изразцова и господин Фузеин»...

ОЧЕВИДЕЦ

Кирилл Привалов, журналист

Версальские тайны

Читал книгу «Искусство Древней Греции и Рима» и наткнулся на персонажа, которого звали Макрон. Про этого художника, работавшего в Афинах в V веке до н. э., сказано: «Хотя известна только одна подписанная им ваза, ему приписывается авторство ещё трёх сотен». Дескать, творец был отменный, но о том, что он наваял, остаётся судить лишь по домыслам…

Ассоциация с тем Макроном преследовала меня, когда я смотрел по французскому телевидению репортажи о поездке Владимира Путина во Францию и о встрече его с другим Макроном, нынешним президентом Пятой республики. Эммануэль Макрон, став хозяином Елисейского дворца, не стал мудрствовать лукаво. В свойственной ему манере он включил медиаресурс для доказательств собственной эффективности. «Республика на марше» – называется его политическое движение. Куда маршируют французы? Не имеет значения. Главное – они это делают уверенно, высоко задрав голову. Остальное же можно додумать. Украсить звучными эпитетами, а затем с непререкаемой верой в собственную правоту преподать планете всей.

«Весь мир, затаив дыхание, следит…» – оглашали в горбачёвскую эпоху «очередную мирную инициативу Советского Союза». В столь же высокой тональности парижские СМИ накануне приезда Путина представляли победителя недавних выборов. Чего только стоят выдержки из прессы! «Макрон пользуется ситуацией, чтобы утвердить лидерство Франции», «Макрон не делает уступок», «С Макроном возвращается «реалполитик»… Правда, ложку дёгтя в бочку медиамёда внёс «Монд»: «У французских президентов есть традиция. Едва избранные, они устремляются на Олимп международной политики. Чтобы перейти из статуса кандидата в политики в государственные деятели».

«Кому это выгодно?» – любят по примеру древних римлян спрашивать французы. Применительно к переговорам в Версале, где на большинстве фотографий Путин изображался глядящим куда-то в сторону, а Макрон – сверлящим взглядом светлое будущее, ответ на классический вопрос получается не соответствующим духоподъёмному настроению. Отнюдь не президенту России нужны ораторские экзерсисы в интерьере позолот Версаля. Рандеву с «антизападником» Путиным – так окрестили его в парижских СМИ – пришлись на руку Макрону, задекларированному «прагматиком». Это очевидно и в контексте выводов французской Счётной палаты, обнаружившей пустую казну, оставленную Франсуа Олландом своему преемнику, и с учётом скандалов в новом правительстве, где два министра уже уличены в использовании служебного положения, и на фоне очередей за горючим, вызванных забастовкой водителей грузовиков-цистерн… Не говоря о том, что рейтинг популярности Макрона сейчас ниже, чем у президента Саркози после стольких же дней правления.

Впрочем, «требовательный диалог» в Версале всё-таки получился. И заслуга тут не Макрона. Как написал французский блогер: «Путин умело предоставил Макрону возможность покрасоваться перед электоратом на выборах в Национальное собрание». Окончательно же развеяли «совместное недоверие», которое охотно муссировала парижская пресса, полчаса интервью Владимира Путина руководству «Фигаро». В Российском духовно-культурном центре, на фоне корешков знаменитой серии «ЖЗЛ». От насмешливого взгляда, которым президент России нет-нет да и одаривал в Версале напыщенного французского коллегу, не осталось и следа. Холод растаял, и разговор с самой популярной газетой Франции состоялся на славу.

…«Если бы Версаль поведал о себе» – назывался давний фильм Саши Гитри, крестника российского императора Александра III. В картине рассказывалось об интригах вокруг французских королей. Думаю, если бы решили поставить фильм о макроновских тайнах Версаля, тоже было бы о чём рассказать.

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ЭХО СОБЫТИЯ

Два об одном?

Впечатляющие итоги Петербургского экономического форума заставили о многом задуматься

Всего на ПМЭФ-2017 подписали 386 соглашений на два триллиона рублей, в прошлом году – 350 документов ценой около одного триллиона рублей. Приехали более 14 тысяч человек из 143 стран мира – лучшие цифры за 20 лет. Шире стала деловая программа: в 2016-м прошли 72 мероприятия, в этом – 127. Какая уж тут «изоляция РФ»?

Впечатлила и тематика. Какими будут Россия и мир в 2018 году, запретят ли анонимные мессенджеры, пора ли начинать следить за курсом биткоина и многое другое. На этом фоне и о российских проблемах не забыли. Стоит отметить два момента. Первый – вопрос о санкциях сошёл с повестки дня. На форуме были лидеры государств, мировая финансовая и бизнес-элита. Практически все адаптировались к новой обстановке.

И раньше западные санкции не казались мне ужасными (даже отдалённо не напоминают иранский вариант), но сейчас, похоже, незначительность этого фактора вконец проявилась. Те западные инвесторы, которые хотят зарабатывать на России, преспокойно это делают. Российский бизнес был вынужден, по выражению президента РФ, «включить мозги», в некоторых сферах стал проворнее и конкурентоспособнее.

Теперь о втором моменте – споре между экономическими программами. Речь о программах ЦСР – Алексея Кудрина и «Столыпинского клуба» Бориса Титова. Скажу словами Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова: «Да не согласен я. – С кем? С Энгельсом или Каутским? – С обоими». В программе Кудрина удивляет тезис о тотальной приватизации. Как о решённом говорится о приватизации нефтегазового сектора (нефтяного – сразу, с газовым можно «чуточку» обождать), а также главных госбанков – почти всего финансового сектора.

Напомню: государство заплатило за возврат нефтегазового сектора в нулевые годы более 100 миллиардов долларов (это без учёта временно́й ценности денег и др.). Национализация части сектора была супердорогой и невероятно, что даже радикальная реализация подобных планов принесёт хотя бы компенсацию потерь. В итоге комбинация может выглядеть так: сначала государство в 90-е за бесценок продаёт лучшие активы, затем за бешеные деньги выкупает обратно, чтобы – внимание! – опять распродать на «низком рынке»! Где цимес, как говорят в Одессе?

Похоже – с финансовым сектором. Много лет банковская система «очищалась» прежде всего в интересах крупнейших госбанков. Произошла её (системы) монополизация. Граждане России заплатили, например, за карнавал хищений в сотнях банков триллионы рублей через АСВ (Агентство по страхованию вкладов). Крупнейшие банки с 2008 года через ЦБ, резервные фонды получают триллионы на поддержку. Результат – положение их стало прочным как никогда – и что теперь? Продать контрольные пакеты за суммы на порядок меньшие, чем они получили? Тот же цимес…

В мировой экономической теории и практике всё подобное – давно отработанная тема. Приватизация естественных монополий и стратегической инфраструктуры – опасна для общества. Ведь это парализует смежные отрасли, бизнес, предпринимательство, потребительский спрос, сделает неконкурентными большинство секторов экономики. Государство утратит возможность проводить разумную тарифную политику, придётся забыть про стратегическое планирование и управление, хотя закон был принят…

Программа Титова, на мой взгляд, эклектична, не ставит острых вопросов – например, об интересах и мотивации в экономике (а это основа основ), о протекционизме (например, в связи с политикой Трампа), о засилье офшорного и иностранного капитала в нашей экономике, о коррупции и рейдерстве. И т.д., и т.п. О многом молчит Титов, и тогда непонятно, в чём расходится с оппонентом. Анатолий Чубайс заявил на ПМЭФ: «Есть вариант Алексея Кудрина, есть вариант Бориса Титова. Они, конечно, отличаются друг от друга. Но это не чёрно-белая история… Там… есть что интегрировать…»

Можно посочувствовать нашему президенту: выбирать, похоже, пока не из чего. Как в рекламе из 90-х: «При всём богатстве выбора другой альтернативы нет. Торговый дом «Альтернатива». Слава богу, точки ещё не поставлены.

Андрей Бунич,
президент Союза предпринимателей и арендаторов России

ФОТОГЛАС

ИТАР-ТАСС

Президент России Владимир Путин вручил в Санкт-Петербурге писателю и общественному деятелю Даниилу Гранину Государственную премию РФ за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности за 2016 год. По завершении церемонии В. Путин общался с Д. Граниным в неформальной обстановке. Писатель подарил главе государства книгу-фотоальбом о Санкт-Петербурге.

Литературная газета 1971 1979

Учредитель и издатель АНО «Редакция «Литературной газеты». Президент **Юрий Поляков**.
Шеф-редактор **Максим Замшев**.
Вице-президент **Леонид Колпаков**.
Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**.
Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru
Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru

Искусство klv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru **Клуб 12 стульев** satira@lgz.ru **ТелевЕдение** televed@mail.ru **Отдел оформления** evgfedorovskiy@yandex.ru **Литературная ярмарка** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru Исполнительный директор **Алексей Шавлов**. Сайт «ЛГ» litgazeta.webeditor@gmail.com Общий тираж 113 800 экз. Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Номер подписан к печати 6 июня 2017 г. Зак. № 1426
Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168

(для предприятий и организаций) Подписка и распространение т. 8-499-788-01-12 Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодика» и East View Publications. Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г. **Адрес редакции** 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 18, стр. 1, 2-й и 3-й эт. **Эл. почта** litgazeta@lgz.ru Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.
Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

ФЕСТИВАЛЬ

Противоборство природы и искусства

Слухи о смерти книги сильно преувеличены

**Ни дождь, ни град, ни холод не стали помехой для праздника литературы, для проведения самого масштабного книжного действа в стране.
Чем запомнится «Красная площадь»-2017? И чем отличается третий фестиваль от двух предыдущих?
О своих впечатлениях и наблюдениях рассказали организаторы и участники.**

Михаил Сеславинский,
руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям:

– Мы очень волновались, что из-за плохой погоды люди не придут. Но праздник всё-таки состоялся: тысячи людей ходили по Красной площади, многие с детьми – целыми семьями. Мне кажется, самое главное – помимо собственно книг, выставленных на стендах, – это атмосфера, которую мы пытаемся создать на Красной площади: чтобы не было официоза, чтобы было одновременно и торжественно, и уютно, чтобы были живые действия. В этом году мы попытались совместить театрально-концертную программу и встречи с авторами, с издателями, и литературоведческие обсуждения. Мне кажется, что это получилось достаточно гармонично. Фестиваль открыл концерт народного артиста СССР Юрия Башмета. На первой линии ГУМа к ряду антикварно-букинистических магазинов присоединилась музейная экспозиция; сформирована площадка в Историческом музее, где прошли круглые столы и дискуссии, посвящённые столетию Октябрьской революции. Состоялись дискуссии на площадке «Электронная книга» о том, уйдёт ли всё же книга в интернет или останется и в печатном виде. На мой взгляд, 118 тысяч наименований книг, изданных общим тиражом 450 миллионов экземпляров в 2016 году, наглядно демонстрируют, что книгоиздание не умирает. Да, есть падение на 3%. Но оно не такое катастрофичное, как в прошлые годы, когда тиражи падали на 5–10%. Мне кажется, что какое-то хрупкое равновесие уже достигнуто.

Евгений Водолазкин,
писатель:

– Знаменательно, что книга присутствует на Красной площади, в сердце нашей страны. Наверное, эта ярмарка по своему размаху превосходит большинство из всех, что я видел. То, что книги проникли на главную площадь страны, говорит о том, что общественное внимание всё-таки повернулось к литературе. Надеюсь, что это станет доброй традицией. Мои книги, кстати, тоже здесь все представлены.

Юрий Козлов,
писатель, главный редактор журнала «Роман-газета»:

– Фестиваль был организован хорошо и демократично. Посетителям предоставлялась полная свобода выбора. Информация на стендах перед шатрами, где выступали писатели, издатели и прочий книжный народ, была точна и лаконична.

Крупные издательства «душили» читателей коммерческим «валом». Но посетители могли отвести душу на площадках малых издательств, выставлявших уникальные издания по истории, философии, социологии, психологии, некоммерческую переводную и прочую изысканную литературу.

По моему мнению, число участвовавших в фестивале издательств заметно сократилось. Много было книг прежних годов выпуска. Резко сократились тиражи. Сегодня тысяча экземпляров – уже массовый тираж.

В «шатрах», где ораторы говорили о реальных проблемах сегодняшней России, слушателей всегда было очень много. Так случилось и на презентации, посвящённой 90-летию «Роман-газеты», на выступлении авторов издательства «Вече», презентациях новых книг Александра Снегирёва и Максима Замшева.

Неиссякающий поток посетителей на книжном фестивале «Красная площадь» в очередной раз продемонстрировал, что слухи о смерти книги сильно преувеличены. Ридеру с тусклым серым экраном пока не удаётся одолеть красиво изданную, художественно оформленную живую бумажную книгу.

Окончание на стр. 4, 5

ФОТОРЕПОРТАЖ ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВСКОГО

«ЛГ» активно участвовала в работе книжного фестиваля. На нашем стенде все желающие могли не только приобрести свежий номер, но и подписаться по льготным ценам на старейшее культурологическое издание страны. Прошли встреча с редакционным коллективом, презентации книг Алисы Даншох «Флоренция. Вид с холма» и Максима Замшева «Весна для репортёра».

ФЕСТИВАЛЬ

Противоборство природы и искусства

Окончание. Начало на стр. 3

Игорь Волгин,
литературовед, историк, писатель:

– Я был только на первой ярмарке, во время второй меня не было в стране. В этом году погода крайне не благоприятствовала, а тем не менее было полно народа. Люди ходили, смотрели, читали. Шло настоящее противоборство природы и искусства! Всё-таки мы – читающая страна, и если такие ярмарки станут традицией (а они уже становятся традицией), это будет просто замечательно. Здесь можно в течение часа обойти абсолютно все издательства. И те книги, о которых я только слышал или читал в библиографии, в заметках, здесь можно подержать в руках, купить. К тому же, как мне кажется, книги здесь дешевле, чем в магазинах, что тоже хорошо.

Я думаю, очень правильно, что такая выставка проходит именно на Красной площади. Где же ещё? Это сердце страны… Если здесь проходят фестивали оркестров, почему здесь не может проходить книжный фестиваль? Тем более в дни, предшествующие дню рождения Пушкина. Ведь чтение – это национальная проблема, неотъемлемая часть культуры. А что может быть важнее для страны, чем культура? В чём аккумулируется преемственность, в чём аккумулируется российская идеология? Мы всё ищем национальную идею, а она уже существует в нашей литературе.

Книжный фестиваль – это праздник, праздник для души. Отрадно, что здесь больше людей, чем в сетевых магазинах, скажем, в «Пятёрочке» или в «Азбуке вкуса». Я бы сказал, что это и есть самая настоящая азбука вкуса…

Владимир Григорьев,
заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям:

– Можно сказать, что фестиваль удался: необыкновенный энтузиазм среди издателей, авторов, книготорговцев; огромное количество людей. Фестиваль ждали, ждали его целый год, и ничто не могло испортить настроение тем, кто его посетил.

Отличий от предыдущих двух фестивалей немного, но всё же они есть. Во-первых, добавились новые жанровые павильоны. Впервые появился павильон «Отечественная история», где силами Российского военно-исторического общества создана экспозиция. Появилась «Музейная линия»: все ведущие музеи страны представили свои книжные коллекции, книжные программы и программы своих мероприятий на ближайший год. Фестиваль расширяется: он уже проник в ГУМ, в Исторический музей. Может быть, в следующем году на Никольской улице тоже сделаем шатры. Мне кажется, что, кроме погоды, всё удалось. Но даже погода не помешала провести намеченные мероприятия. В общем, радостные лица, приятные люди, интересная программа: все шатры-лектории были забиты людьми, шли нон-стоп встречи с писателями, авторами всех направлений и всех жанров и, по-моему, это большой праздник.

Андрей Дементьев,
поэт:

– Это огромный праздник для любителей книги и вообще чтения. У меня тоже с успехом прошла встреча с читателями, я много сборников подписал, как всегда… Но очень был огорчён тем, что встреча моя прошла не на главной сцене, как в прошлом году, где есть возможность вместить большее количество читателей. Я всё-таки русский писатель, у меня вышло двадцать книг на русском языке, и, конечно, я рассчитывал на более широкую встречу с читателями. К сожалению, Федеральное агентство по печати имеет свои предпочтения касательно тех или иных авторов и не всегда учитывает читательский спрос. В выборе авторов должна быть широта, влюблённость в литературу, а без этого невозможно объективно оценить ситуацию.

Валентин Юркин,
генеральный директор издательства «Молодая гвардия»:

– На фестивале было очень много заинтересованных людей. А организация, по-моему, примерно такая же, как и в прошлые годы. Самое приятное, что мы в день открытия или чуть раньше узнали вот о чём: две книги нашего издательства оказались в коротком списке «Большой книги»: это Лев Данилкин «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» и Сергей Шаргунов «Катаев. Погоня за вечной весной». Книгу о Ленине взял из рук издательства председатель организационного комитета этой выставки Сергей Нарышкин и, судя по всему, она вызвала у него неподдельный интерес. В Ялте, где проходил Третий международный Ливадийский форум по культуре и на котором присутствовало издательство «Молодая гвардия», наблюдалась хорошая реакция на книгу Шаргунова. Более подробно о фестивале мне говорить трудно, поскольку я присутствовал там очень недолго – вынужден был уехать.

Наталья Харлампьева,
председатель Союза писателей Якутии:

– Для нас, национальных писателей, эта выставка отличается прежде всего тем, что в нынешнем году прошла большая презентация антологии поэзии народов России. Это очень большое событие, которое ещё два-три года назад не представлялось возможным. Издательство «ОГИ» прекрасно выполнило свою работу, но, как говорится, «будут деньги – будет песня»… Я думаю, что именно комиссия во главе с Сергеем Нарышкиным сумела эту идею поднять и претворить в жизнь. И надеюсь, что это будет не разовым действием, а постоянной системной работой.

Кроме того, для национальных писателей участие в фестивале «Красная площадь» – возможность встретиться со старыми друзьями, завести новых, познакомиться с переводчиками… Для тех, кто живёт в провинции, это очень много значит.

ФОТОРЕПОРТАЖ ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВСКОГО

Николай Санджиев,
председатель Калмыцкого регионального отделения Союза писателей России:

– Эта выставка, которая прошла на Красной площади, запомнится очень многим. Во-первых, тем, что впервые за долгое время литераторы регионов России собрались под одной крышей: здесь можно было выступить, поговорить друг с другом, сказать добрые слова. Кроме того, прошла презентация антологии поэзии народов России – первого тома. Это очень хорошая идея, её, насколько я знаю, поддержал Владимир Владимирович Путин, поручил её воплощение в то время руководившему Государственной Думой Сергею Нарышкину – и дело пошло. Это радует и даёт надежду на то, что российская литература, которая состоит в том числе из литератур народов России, не умрёт, раз её поддерживают, раз на неё наконец обратили внимание. Кстати, по поддержке национальных литератур сегодня очень многое делает и «Литературная газета».

Выпуск антологии всколыхнул одну из наших проблем – проблему перевода. В Советском Союзе переводческая деятельность была поставлена на профессиональный поток, при Союзе писателей работал специальный переводческий отдел, его секретари отвечали за это направление... Сегодня же переводить национальных поэтов почти некому. Ещё одна проблема заключается в том, что подобные крупные писательские встречи сегодня – большая редкость. В Москве под эгидой Союза писателей и других объединений собираются лишь небольшие группы, а провинция остаётся на окраине. Это плохо. Ведь литература регионов и республик поднимает не местечковые проблемы, а проблемы общероссийские: Россия – единая страна, у нас единая земля, единое небо и единые проблемы. Стоит прислушаться и к окраинам... Такие книжные выставки отчасти помогают.

Дмитрий Ицкович,
генеральный директор издательства «ОГИ»:

– Книжный фестиваль на Красной площади в этот раз проходил очень масштабно. Огромное событие – презентация антологии «Современная литература народов России. Поэзия». За самим понятием «литература народов России» – большая история, и все понимают, что это очень нужно и очень ценно. Подобные антологии, а следующей будет антология детской литературы народов России, по сути, проекты-интегранты, собирающие под одной обложкой всё многообразие национальных литератур нашей страны. Впервые на Красной площади звучали стихи на национальных языках, что говорит о многом. Особенно важно творческое общение для самих национальных авторов, потому что все они находятся в сходных жизненных ситуациях и чутко воспринимают опыт друг друга и поддерживают друг друга, делятся какими-то новыми идеями. И платформу для такого общения заложило государство, понимающее необходимость вхождения в единый литературный процесс всех существующих литератур народов России.

Магомед Ахмедов,
председатель Союза писателей Дагестана:

– Книжный фестиваль на Красной площади – это прекрасное по своей задумке мероприятие. Люди видят, что есть живая, востребованная книга. У нас прошла презентация антологии поэзии народов России, где представлены национальные литературы в переводах с 57 языков. Здесь звучали стихи на всех этих языках. На наших глазах происходит и возобновление школы художественного перевода, и налаживание разрушенных в постсоветский период традиционных дружественных связей между писателями из различных республик России. Собираются редакционные советы, поднимаются проблемы национальных литератур. Безусловно, в последнее время после многолетнего перерыва наметилось возрождение интереса к литературам республик России и, что особенно важно, на государственном уровне.

КЛАСС-ПРЕМИУМ

Почётное звание на все времена

Самая крупная премия за наивысшие достижения в современной русской поэзии – национальная премия «Поэт». Лауреатом 2017 года назван Максим Амелин (на фото). В разные годы лауреатами этой премии становились Александр Кушнер, Олеся Николаева, Олег Чухонцев, Тимур Кибиров, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Виктор Соснора, Евгений Рейн, Евгений Евтушенко, Геннадий Русаков, Юлий Ким и Наум Коржавин.

Награждение проходило в Большом зале ЦДЛ. Ведущим церемонии был главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин. Лауреата поздравили Олег Чухонцев, Олеся Николаева, Артём Скворцов и другие литераторы.

Вручавшая награду Олеся Николаева рассказала интересную историю о том, как в её литинститутский семинар попал Максим Амелин. В тот год, когда он поступал, у неё набора не было, и ей поручили разобрать так называемые отвалы, то есть просмотреть стихотворения тех, кто не прошёл творческий конкурс. И вот среди поэтического шлака она наткнулась на стихи человека, которого сразу же захотела взять к себе в семинар. Это был Максим Амелин. Оказалось, что он не попал на семинар к Юрию Кузнецову...

Соб. инф.

НАШЕ ВСЁ

Судьбы свершился приговор

О преемнике Пушкина в осиротевшей литературе

Они так и не познакомились... Два великих русских поэта. Возможно, потому, что не торопился Лермонтов. Кем бы он представился своему поэтическому кумиру? Поручиком элитного лейб-гвардии Гусарского полка? Из всего написанного им к 1837 году – а это сотни стихотворений, десяток поэм, драматические произведения – он ничего не публиковал, считая недостойным читательского внимания.

Стихотворение «Смерть поэта» было написано в одночасье. Оно стало первым откликом на случившуюся трагедию. «Стихи переписывались в десятках тысяч экземпляров и выучивались наизусть всеми», – вспоминал писатель И.И. Панаев. В.А. Жуковский увидел в произведении «проявление могучего таланта», а при дворе повторяли мнение императора: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина!»

Чуть позже Николай I получит другой список стихотворения с комментарием, сделанным анонимным автором: «Воззвание к революции». К известным ранее 56 строчкам были добавлены ещё 16, гневных, обличительных и эмоциональных.

О том, при каких обстоятельствах Лермонтов написал это «известное прибавление, наполненное чувством беспредельной сердечной горечи и гражданского негодования», сохранилось воспоминание его товарища и дальнего родственника Н.Д. Юрьева. Он пришёл на квартиру на Садовой улице навестить болеющего Лермонтова. От простуды поэта лечил лейб-медик Н.Ф. Арендт, бывший у Пушкина в его последние дни. Он рассказал «печальную эпопею тех двух с половиной суток, которые пострадал раненый Пушкин». Лермонтов ещё больше «полюбил своего кумира после этого откровенного сообщения,

обильно и безыскусно вылившегося из доброй души Арендта».

П.А. Висковатов сообщал: с того дня, как император прочёл правду в шестнадцати последних строчках стихотворения «Смерть поэта», имя молодого автора стало ему «лично известно», и Лермонтов до конца жизни ощущал «высочайшее внимание».

Стихотворение «Смерть поэта» при жизни Лермонтова не было напечатано. Но, распространившееся в многочисленных списках, оно сблизило Лермонтова с друзьями Пушкина, с редакцией журнала «Современник». Именно в пушкинском «Современнике» в мае 1837 года, когда Лермонтов был уже на Кавказе, появилось его новое стихотворение «Бородино».

Наше повествование было бы неполным, если бы мы не вспомнили о жене Пушкина – Наталье Гончаровой.

...С вдовой любимого поэта Лермонтов был знаком, но не стремился общаться, более того, избегал. Последний раз они встретились за несколько месяцев до его гибели. Он получил предписание срочно покинуть столицу и отправиться вновь под пули, в Тенгинский пехотный полк. Близкие друзья устроили ему тёплые проводы в доме Софьи Николаевны Карамзиной. Поэта терзали дурные предчувствия, его успокаивали, отвлекали беседой. Он же, неожиданно для всех, «завладел освободившимся местом» рядом с Натальей Николаевной Пушкиной. В завершение их долгой и, как отметили присутствующие, сердечной беседы Лермонтов признался: «Когда я только подумаю, как мы часто с Вами здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведённых здесь, но в разных углах!.. Я видел в Вас неприступную холодную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть её обаяние искренности, чтобы унести с собой вечный упрёк в близорукости, бесплотное сожаление о даром утраченных часах»...

Так «судьбы свершился приговор»: с января 1837 года имена поэтов навсегда рядом. Сравнивая обстоятельства их гибели, Н. Гоголь писал, что они оба «были похищены насильственной смертью в течение одного десятилетия, в поре самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих».

Владимир Шемшученко

ЮБИЛЯЦИЯ

Гений чистого писания

Мы познакомились, когда Юнна ещё не приблизилась к роковому пушкинскому возрасту, а мне едва перевалило за 20, но у меня уже был полуторагодовалый сын, которому врачи предположительно ставили диагноз «врождённый порок сердца». Не помню подробностей, как и при каких обстоятельствах это стало известно Юнне, но благодарно помню её благородный порыв и сердечное участие в судьбе Феди.

Поэта Юнну Мориц обожали многие, и одним из этих «многих» был столь же штучный человек и единственный в своём роде врач, детский кардиохирург Владимир Иванович Бураковский, имя которого носит сегодня институт, некогда возглавляемый им. Попасть к столь знаменитому «светилу» на консультацию ребёнку двух полупровинциалов, каковыми на тот момент были мы с Борисом Примеровым, казалось невозможным. Но имя поэта в те времена легко открывало двери тех, кто был неравнодушен к поэзии. Владимир Иванович не просто читал поэзию, но любил её, он буквально светился, когда говорил о Юнне и с лёгкостью цитировал её стихи. Нас с ребёнком он принял, как родных, и утешил, и обнадёжил, как доктор.

И затем, много лет спустя, при любой случайной встрече в ЦДЛ или в издательстве Юнна никогда не забывала спросить у меня о здоровье Феди. Что это было, ритуал? Не думаю. Более того, уверена, что это её естественное состояние, состояние Поэта – думать, помнить о других. Говорят, что мы, пишущие, эгоцентричны, зациклены на себе, не способны к переживанию чужого горя. Про многих можно так сказать, но не про Юнну Мориц.

И поэтому для меня не стало удивительным, что в 1999-м появилась на свет её страстная до беззащитности «Звезда Сербости». Все ошарашенно промолчали, когда в центре Европы бомбили европейское государство. Все, но не Юнна Мориц. А когда вторая европейская страна стала бомбить часть своей же страны, промолчали уже не все, и с этими «не всеми», а можно сказать, в первых рядах этих «не всех» закономерно оказалась Юнна Мориц. Да, многие коллеги, ранее обожав-

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

шие Поэтку, посчитали, что она «сошла с ума», впала в «деменцию» и так далее... Ну что взять с коллег? Незадолго до смерти в телефонном разговоре Феликс Кузнецов, 15 лет возглавлявший Московское отделение СП СССР, спросил у меня: «А вы знаете, на кого из писателей Москвы было больше всего доносов, в основном, конечно, анонимных?» И сам же ответил: «На Юнну Мориц».

Вот и рассчитывай на мнение и любовь коллег по профессии!

Юнна Мориц, мне кажется, выбрала единственно верный путь – быть не с писателями, а с читателями, своими, всё умножающимися и верными ей людьми, человеками, любящими поэзию, её поэзию.

Я тоже, как и многие читатели, дорожу несколькими книгами Юнны с её автографами, написанными крупным, почти ученическим почерком, красивым, как у многих, ещё учившихся в школе чистописанию. Чистому писанию.

И хочу сегодня сказать ей личное спасибо!

С днём рождения, дорогая Юнна!

Пусть ещё впереди их будет как можно больше!

Надежда Кондакова

«ЛГ» присоединяется к многочисленным поздравлениям Поэтке и желает лауреату премии «Золотой Дельвиг» нашей газеты новых стихов. Всегда готовы их напечатать.

ПОЭЗИЯ

Как много в России загадочных мест

Андрей Шацков

Тобольск

Как много в России загадочных мест,
Пронизанных смуты мучительной
болью!..
Архангел, с утра опускаясь на крест
Церковного храма, глядит на Тоболье.

Играет Тобол, серебрится Иртыш.
И где-то из волн поднимаясь угрюмо,
Ермак раздвигает руками камыш,
Чтоб в призрачной схватке
осилить Кучума.

Здесь сказка сбылась и, не чувствуя ног,
Не слушая сердца, стучащего рьяно,
Взбеги на холмы, где Конёк-Горбунок
Доверчиво носом толкает Ивана,

И хочет к груди его гривой припасть...
Но грают над градом сибирским воро-
ны.
И куколем чёрным покрыла напасть
Венец православной российской
короны.

Но сгинут туманы тюменских болот,
И спрячется морок в глубокие норы...

А город стоит – как России оплот
На вечном пути из Варягов в Обдоры!

Ночная сторожа

Памяти старшего сына Димитрия (10 марта 1980 – 21 июня 2016) с горечью посвящает автор

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждёшь?
В пойме реки Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь полсотни
Прапором осенить?

Да не поглотит темень
Нами зажённый трут.
Сёмка, Игнатий Кремень,
Гридя – не подведут!»

«Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть.
Скажет Боброк: Не дело!
Скажет Бренок: Не в честь!»...

Взгляд его светлый – строже
Сделался и синей.
«В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы,
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем –
Смертным грехом отца.

Души летят, как кряквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

Крещенский ноктюрн у истоков Рузы

«Истоки реки Рузы лежат на Московской возвышенности...
Истоки реки Иордан лежат у горы Хермон, ранее принадлежавшей Сирии...»
Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед Вами, мои стихи,
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

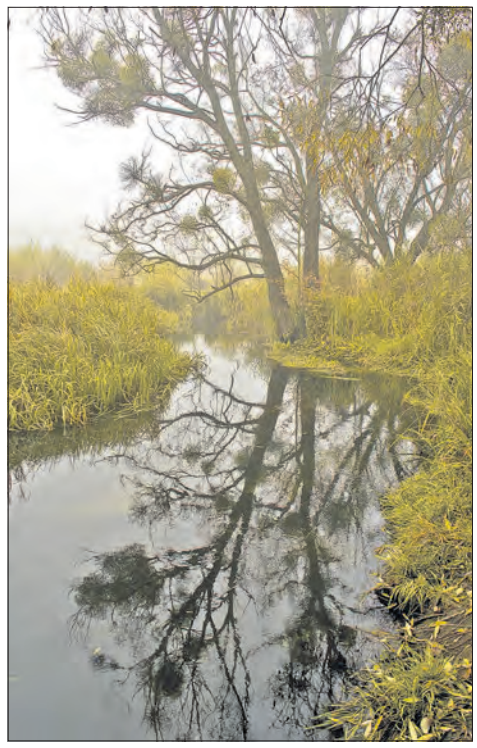
Да не будут они обузою.
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи.
Щукой спрячутся в глубину.
А когда потеплеет – в паводье,
Как Ковчег подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замёрзнут сирые,
Как в заволжских степях орда.
Ведь Россия теплом – не Сирия,
Да и Руза – не Иордан,

Чьи истоки – в библейской местности,
У подножья высоких гор...



ВЛАДИМИР ЯЩУК

У России – свои окрестности,
У России – свой разговор.

Хоть над Сирией – небо синее.
Над Россией – ещё синей.
«Иордани» в морозном инее.
Грай вороний, да скрип саней.

И под утро к крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби,
Как Предтечи грядущих строк!

Сюжет декабря

Декабрьское солнышко волчье –
Вся жизнь прокатила под ним.
На самой закраине – молча,
Считаю остатние дни.

И веет шальная позёмка,
Твои, заметая следы.
И узится, узится кромка
Ещё не застывшей воды.

На пальцы, не сжатые в стуже,
В единый, как прежде кулак
Дышу,
а дыханье всё глуше
И с сердцем не сладить никак.

Но всё же,
но всё же,
но всё же,
Былое нельзя обновить.
Сменить, как змеиную кожу.
Отринуть, как отчую выть.

В нём были шальные рассветы.
Черёмуха мая цвела.
И счастье касалось поэта
Размахом жар-птицы крыла.

Но птицы не стало...
Туманный
Пал вечер угрюмым сычом.
И только Андрей Первозванный
Тебе подставляет плечо.

А снеги ложатся всё толще
На волосы и на жнивьё...
Декабрьское солнышко волчье –
Любовь и отрадо моё!

Лето скатилось малиновой сливой

Виталий Мухин

* * *

Морозное утро румяно, как пряник,
на яблоне облачной красный букет,
и сыплется иней в лучистом тумане
на мой одиноко чернеющий след.

С дороги слетает седая ворона –
напрасно летит и скрывается зря.
Над круглым сугробом
в янтарных хоромах
сквозит молодая лесная заря

далёко-далёко (скрип снега и кашель),
широко-широко (январская гладь).
И радостно думать,
что солнце мне скажет,
когда ему за реку руку подать.

Вина

И в мёрзлом окопе – о ней.
В бреду, под наркозом – о ней.
Зачем же он снова о ней –
чтоб сердцу стало больней?

Но в том ли её вина,
что ходит с другим она?
Легла меж нами стена,
и эта стена – война.

Эй, друг! Я её вину
тебе под культи швырну.
Шумит под стопой Восток –
и ты не так одинок.

И в шуме не так слышна
какая-то там вина,
а если даже слышна –
то жизнь, друг, она – одна.

У всех и за всех одна,
но в том ли её вина?
Спешит за колонной грач,
а ты, брат, поплачь, поплачь...

Жребий

Мечут жребий – на деву иль отрока? –
в меч Перуна мечами звеня.
Не мрачнейте, стоящие около,
я-то знаю: зарежут меня.
Это мне пронести на заклание
своё сердце до Брестских высот.
Прекратите ж, жрецы, жребствова́ние –
всё равно на меня упадёт.

Разомкнётся гора или облако,
вспыхнет зеркало или броня –
это он, встрепенувшийся соколом,
наконец-то узревший меня.
Это мой, наиверный, единственный
и другого не будет уже,
как не будет обрядов таинственных
и спокойствия русской душе.

Потому ни на дев, ни на отроков
не мечите тяжёлых ножей –
всему миру челом бью и об руку.
Уводите меня поскорей,
чтобы с грозными, грустными песнями
вырвать сердце моё из груди
и закинуть его в занебесния,
а теперь уж стальные круги.

Но уже не волхвов завывания
и не мстительный выдох клинка,
и ни солнце империй в развалинах
провожает меня сквозь века.
Промахнётся скала или спо́лохом
выбьет в вечном граните ручей –
то держава моя бьёт в царь-колокол:
«Не мечите друг в друга ножей!»

Только мечут – и мечется беженка,
мечут жребий столетья подряд.
И летит, заострившись, он першингом
и давно уже не наугад.
Что ж, лети – коль дороженьку знаешь,
коль не жаль ни других, ни себя...
Только помни: не ты выбираешь –
это мы выбираем тебя!

* * *

Вот лето скатилось малиновой сливой,
и гребни заката качнулись во тьме.
– Родная, родная,
ты будешь счастливой.
– Родимый, родимый, забудь обо мне.

А звон соловьиный
плывёт в переливах
духмяных черёмух и пенистых трав
над розовой речкой и тёмным обрывом.
– Родная. – Родимый... И так до утра.

И так до заката. И вновь до рассвета
при полной луне на зелёной волне:
– Родная, родная...
Так где ж наше лето?
– Родимый, родимый, забудь обо мне.

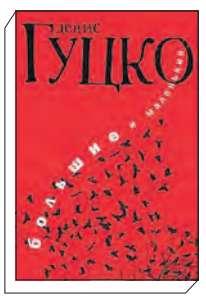
СУБЪЕКТИВ

От медитации к бегу на месте

Денис Гуцко. Большие и маленькие

М. РИПОЛ классик 2017

428 с. (Новая проза)



У каждого большого писателя есть своя тема. Критики нередко путают её с антуражем. Но, конечно, автор достоверной прозы вовсе не обязан всё время писать только про врачей или банковских служащих, учителей или солдат срочной службы. Однако внутри него пульсом бьётся та необходимость выразить, воплотить и сделать реальным своё видение окружающей жизни, свою трактовку законов мироздания. Пожалуй, именно эта внутренняя необходимость прежде всего и побуждает к творческому росту как молодых, так и маститых авторов, отправляет их на поиск сюжетов, героев и единственно верных интонаций и слов.

А если этой внутренней темы нет? Есть многое другое: писательские «мускулы», жизненный опыт, способность к проникновению в подоплёку поступков и событий, сочувствие к таким нескладным людским судьбам. А десятилетием раньше был и скандальный авансовый успех – первый же роман Гуцко принёс ему лауреатство в «Русском Букере», сделав на время главным знаменосцем «нового реализма». Но вот собрать все предпосылки воедино и выдать целостную вещь, оказывается, крайне сложно.

«Большие и маленькие» – пятая книга Гуцко, в которую включены очень разные по размеру вещи, от небольших рассказов на 4–5 страниц («Лю», «Пластмассовый глок») до солидных повестей («Машкин Бог», «Происхождение»). В них нам изложены истории разных людей: человека «с творческой жилкой» Кудимова, мающегося от нервного и бесплодного безделья («Тварец»), застенчивой девочки Насти, сбежавшей из интерната и ставшей убийцей («Здравствуй, куколка»), врачей Лилечки и Егора с их причудливыми семейными перипетиями («Мужчины не плачут»), одинокой учительницы Киры, дающей урок музыки японскому мальчику Сабуро («Амэ фури»). Рассказано о бедах и неприятностях, нудной – чаще всего – работе и очередной несчастливой – если она есть – семье.

Автор всё время ищет не только верный тон, но и устойчивую отправную точку: «Начав бодро и как будто насмешливо рассказывать, вскоре принялась невесело чему-то удивляться, дальше и вовсе сбилась на плаксивый тон». Или: «Но должно же со мной что-то происходить. Внутри. Должно же откликнуться как-то... Хотя бы подумать что-нибудь. Подобающее. Лёша умер. Что-нибудь скорбное. Что-нибудь». И зачастую эта нужная точка так и не находится. «Всё её сокровенное почему-то не поддавалось пересказу».

Временами среди этих томительных поисков проскальзывают вот такие перлы: «И бросил на жену исподлобья (!) игривый взгляд». Есть что вспомнить жене спустя годы.

В большинстве повестей и рассказов сборника событийный алгоритм очень схож и выражается поговоркой: «Лежит-лежит да как побежит». Тягучий медитативный перегруженный подробностями текст вдруг разгоняется и несётся куда-то стремительным пунктирным пересказом, но при этом всё самое важное никуда не сдвигается и остаётся в итоге на том же месте.

Сюжеты чаще всего строятся либо вокруг супружеских измен, обычно взаимных; либо близости смерти – не в смысле процесса умирания, а именно похорон, поминок и памятных дат. Временами эти две темы сходятся вместе, как в повести «Машкин Бог» и в рассказе «Животное», причём в рассказе тема раскрыта гораздо лаконичнее и убедительнее.

«Маша в своей откровенности, безответной и отклика не ищущей, была такая большая. А они – такие маленькие, ёрзающие».

И сам Гуцко иногда дорастает, дотягивается до себя возможного, большого. Так происходит в самой удачной вещи сборника – повести «Сын Валькá». Водитель Валёк находит сбежавшего из интерната от обид сверстников мальчика Ваню, берёт к себе подкормить и вскоре проникается отцовскими чувствами, которых никогда не испытывал к родной повзрослевшей дочери. Он очень хочет усыновить мальчика. Ни жена, ни товарищи по работе не желают его понять и поддержать в этом начинании. Оказывается, что у него нет ни отдельного от жены жилья, ни достаточных доходов, ни опыта общения с чиновничьими ведомствами.

Мальчик возвращается в интернат. Валёк уходит из дома и вскоре становится бомжом. Через годы повзрослевший курсант Ваня встречает несостоявшегося отца на набережной, но не решается заговорить с опустившимся стариком, боясь насмешек от товарищей.

«Валёк до конца набережной за ними следом тащился, на расстоянии. Потом курсанты его заметили. Двое самых буйных принялись камнями кидать, и Валёк отстал. Кстати, его с тех пор больше не видели. Ни в городе, ни на трассе. Может, помер».

Остаётся надеяться, что внутренняя тема Дениса Гуцко ещё прорвётся и позволит ему заговорить более уверенно и внятно.

Александр Евсюков

МНОГОЯЗЫКАЯ ЛИРА РОССИИ

Проходят тени предков предо мною

Вячеслав Ар-Серги. Кама-кылбур

Лирика Стихотворения

Ижевск: Удмуртия

2017 160 с.

Вячеслав Ар-Серги – автор билингвальный, пишущий и по-удмуртски, и по-русски. Отсюда и проистекает основная особенность звучания его поэтики, и об этом очень точно сказано в предисловии к книге: «Финно-угорская тональность, строй этнического мышления... определяют поэтическую незабываемость авторского голоса».

Иногда стихотворения кажутся переводами с удмуртского на русский, и, возможно, так оно и есть, однако именно эта книга стихов написана Ар-Серги на русском языке.

Притулилась деревня моя
К огромному шару земному.
Одиноко бежит колея
Параллельно тракту большому.

Воробей промёрз до костей,
Но от страха чирикает в такт.
Не дождаться ему тут гостей –
Поле, лес, вдаль стремящийся тракт...

(«Родина»)

Инверсии, изящные интонационные спотыкания, сложный ритмический рисунок при стройных, гармоничных смыслах, – вот основные черты поэтики автора. По форме сборник весьма разнообразен: в нём много дольников, тактовиков и акцентных стихов, однако рифму автор очень чтит и чаще всего предпочитает точную – именно она сдерживает метрическую вольность и интонационную порывистость.

Сильны в творчестве Ар-Серги песенные и даже плясовые мотивы, непременно пронизанные этническим своеобразием:

Земля, пробудись!
Юною девою
Мне покажись...

Земля, пробудись!
Белкою вёрткою
Ты кувыркнись...

Земля, пробудись!
В алой зари
Шаль запахнись...

В ритме сердечном –
Мои сапоги.
В звуке заветном –
Легки каблуки.

Тынгыр – тынгыр,
Тынгыр – топ!
Тынгыр – тынгыр,
Тынгыр – дробь!

В травы несмяты
С любимой зайду!
Конь мой косматый –
Целует звезду.

(«Удмуртская пляска»)

Танец в стихах – ход довольно неожиданный, но у Ар-Серги это выглядит вполне убедительно и художественно оправданно.

По мере чтения книги не однажды приходит на ум, что так нельзя сказать по-русски. Ну, например, «В алой зари шаль запахнись». Иногда строки и вовсе кажутся подстрочником с удмуртского:

Тогда взрослеет человек, тогда –
Когда ему до слёз захочется
Обратно в детство возвратиться,
Чтоб мать встречала, как всегда,
С незлою руганью – не отвертеться.

Но и в этом есть своё очарование – непосредственности, чистоты мировосприятия, редкой для умудрённого жизнью человека. Сочетание простосердечия с умудрённостью – ещё одно уникальное качество поэта Вячеслава Ар-Серги, тонко чувствующего и красоту окружающего мира, и его боль.

...Проходят тени предков предо мной,
Все – по делам своим, а не за мной.
Вот – дедушка, погибший под Москвой,
И – бабушка, согбенная тоской.

(«Снова»)

В этом стихотворении ещё пять строф, но в приведённой выше в принципе сказано самое главное, её кажущаяся незамысловатость только углубляет трагичность.

Особенно хочется отметить нежное отношение Ар-Серги к родной природе, к матери. Именно здесь истоки его поэзии, поистине народной.

Одета бедно да опрятно.
Иной раз входит она в сны мои –
В платочке беленьком,
повязанном уютно,
Вполголоса поёт мне песенки свои.

Родник удмуртской песни льётся,
Найдя дорожку и до Камы вод.
И в грусть душа наскоро окунётся,
А вынырнет, как паводок уйдёт.

Её шаги – на тысячах дорог,
Хотя и дальше-то Казани не была.
Земная ось – родной порог,
Отсюда она песни родила...

Ещё одна особенность поэтики Ар-Серги – переплетение романтичности и будничности, таинственности мировосприятия с совершенно реалистичным подходом к жизни.

Утро струилось, округа дремала,
В небе поблек отпечаток звезды.
Калитка в подворье томно скрипела –
Я уезжал из тепла Слободы.

Десять шагов к ожиданью авто
Я прошагал, словно Тит, сквозь лета –
Не оглянувшись назад, а не то –
Я б не уехал в свои города...

(«Затитова Слобода»)

«Отпечаток звезды» гармонично соседствует с «авто»: оригинальная образность позволяет поэту совмещать в одном стихотворении, казалось бы, несовместимое.

В «Кама-кылбур» много звуков, запахов и цветов. Много дождя и вообще непогоды, заморозков и метафизического неуюта; вместе с тем то и дело пробивается какая-то радость существования, нежность ко всему земному и иногда, очень к месту, обаятельная ирония, придающая интонационное своеобразие: «Тут озябшее Солнце на крышу взошло, / Пенсионно уселось на край...»

Или:

...Но и в раю не в радость одному –
Нет дела до Адама никому...
Кряхтя, я встану, вон пойду
И Еву вредную найду...

Вряд ли кто-то из поэтов называл Еву вредной...

И ещё один важный момент: Вячеслава Ар-Серги, безусловно, поэта всероссийского масштаба, очень ценят и любят на родине, часто приглашают на встречи с читателями, его произведения включены в школьную программу Удмуртии... А это уже, согласитесь, немало.

Кира Твердеева

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Неуверенные шаги в верном направлении

Мои университеты

Сборник рассказов о юности

Автор-составитель Александр Снегирёв

М. Изд. «Э» 2017

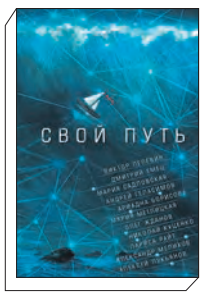
352 с. 5000 экз.

Свой путь. Сборник

Коллекция современного рассказа

М. Изд. «Э» 2017

352 с. 2000 экз.



Слава богу, никаких писательских или композиторских клонов с вокзальной помойки и тому подобных высосанных из пальца персонажей мне на страницах двух этих сборников не встретилось. Вроде все люди как люди в правдоподобных ситуациях. Исключений вроде пелевинского «Греческого варианта», открывающего «Свой путь», очень мало – в пределах погрешности измерения, как говорят технари. Ариадна Борисова (которую хотелось бы отметить особо), Мария Метлицкая, Лариса Райт, Анна Матвеева, Мария Садловская и большинство других авторов пишут нормальным русским языком. Правда, каким-то усреднённым. По отрывку из рассказа далеко не всегда определишь, кто именно создал этот текст. Узнаваем только рассказ Дмитрия Емца «Почтовая голубица», он вызывает чёткие ассоциации с шедевром советской литературы – с «Телеграммой» Константина Паустовского.

Тут нельзя не отметить странное заявление издательства «Э», что рассказы о юности (сборник «Мои университеты») представили такие-то писатели (названы шесть фамилий) «и 34 автора из народа». В этой формулировке явственно звучит высокомерие дурного пошиба. Конечно, создатели таких классических образцов, как, например, «Судьба человека» или «Уроки французского», и начинающие прозаики из какого-то литобъединения это не одно и то же, но в рецензируемых сборниках ни Шолоховых, ни Распутиных не найдёшь. Но почему, например, Олег Жданов – это писатель, а ничуть ему не уступающие Владимир Гуга или Ольга Адамова – «из народа»? Видимо, издательство старается внушить читателю свою табель о рангах.

На оба сборника найдётся, пожалуй, лишь один рассказ, построенный на событии культурной жизни его героев – это «Концерт Джона Лилла» Аркадия Паранского. Да ещё героиня рассказа Бориса Витальева «Госпожа» декламирует стихотворение Лермонтова, а героиня Марии Метлицкой («Зачем вы, девочки...») – Цветаевой. Ну, ещё мелькнёт вскользь упомянутая фамилия какого-то художника, но – вскользь. Нет никаких дискуссий, споров, стояний в очередях на выставки, на кинофестивали... Конечно, это замечание относится прежде всего к сборнику «Мои университеты», целиком посвящённому студенческим годам. Что это – отражение реальности или издательско-составительский отбор?

Впрочем, отсутствие интереса к культурным событиям у большинства персонажей обеих антологий – не единственная его странность. В сборнике «Мои университеты» речь идёт о студентах нескольких поколений – начиная с 1960-х годов и кончая нынешними временами. Мои институтские годы – 1950-е. Помню яростные споры обо всём на свете, начиная с кибернетики (я учился на радиофакультете) и кончая принятой нами в штыки разрекламированной книжной новинкой – повестью Трифонова «Студенты». Помню, с каким интересом мы слушали рассказы наших товарищей о жизни в их родных городах и деревнях, леспромхозах и аулах. Особо – о недавней войне, заметная часть моих однокурсников прошла фронты Великой Отечественной.

И никогда не поверю, что все последующие поколения вдруг заболели поразительным равнодушием к великому разнообразию жизни, кроме того, что Верка переспала с Димкой, а Люська – с Петькой. Во многих текстах мелькают язвительные замечания о советской системе – в основном о дефиците потребительских товаров, но широких социальных оценок там не найдёшь. Разве что Ольга Адамова («Записки нищего студента») рассказала о том, что их семью высылали в Сибирь. Нет, не могу, не могу поверить, что студенты кризисных лет самоубийства СССР и возникновения РФ не говорили, не спорили, не ругались о судьбах страны, о международном положении, о заграница, которая как бы придвинулась ко всем ним.

Так что реализм сборников «Мои университеты» и «Свой путь» довольно-таки относителен. Но то, что авторитет мастеров выверта и закидонства, судя по всему, уже растаял для большинства современных авторов – уже большое, очень большое благо.

Юрий Баранов

КНИЖНЫЙ РЯД

„Мне с той поры немыслимой не спится...“

Юрий Крутов. Пристань сердца

Избранное Стихотворения проза

Нальчик 2016 334 с.

Книга издана по инициативе вдовы поэта Аиды Злотниковой, при участии издателей – братьев М. и В. Котляровых.

Родился Юрий Кузнецов (псевдоним Крутов) в Армавире в 1935 году. На его детство пришлись годы войны, с которой не вернулся его отец. Трудности, выпавшие на долю мальчишки, нашли своё отображение в ряде стихотворений. Также в книге представлена его добротная проза: повесть «Небо в белых пробоинах». На творчество Крутова оказали несомненное влияние такие выдающиеся поэты, как Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. А наставником был поэт Александр Межиров, который руководил семинаром на ВЛК при Литинституте. Межиров написал предисловие к сборнику стихотворений Юрия Крутова, подготовленному в издательстве «Советский писатель», где отметил у автора «особый поэтический темперамент и собственное миропредставление».

Волею судеб мы подружились с Юрием... В 1975 году его не стало. Было ему 40 лет. Автор подарил мне своё стихотворение «Чайка», набросав на подвернувшемся листке бумаги. Для меня это дорогая реликвия.

Давным-давно ты выдумана мною,
Неназванную я тебя искал.
Однажды я над вешнею водою
Крик чайки одинокой услыхал.

О, как она пронзительно кричала,
Своей печалью сердце моё жгла
И понял я, что это ты была:
Ты шла ко мне, меня не повстречала –
И белой птицей к солнцу уплыла.

Мне с той поры немыслимой не спится.
Живу я, одиночество кляня.
Ведь знала ты, что я не стану птицей,
Зачем же ты окликнула меня?

Сергей Каратов

ПУШКИНИАНА

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Пушкин. А сердце оставляю вам

Лирика Перевод на чувашский язык Валери Тургая

Чебоксары: Новое Время 2017

192 с. 1000 экз.

Народный поэт Чувашии Валери Тургай преподнёс замечательный подарок любителям поэзии в Чувашии – в чебоксарской типографии «Новое Время» увидел свет сборник избранных стихотворений Александра Сергеевича Пушкина «А сердце оставляю вам».

В эту прекрасно оформленную книгу вошли 65 известных всем нам ещё со школьной скамьи стихотворений Пушкина, такие как «Зимний вечер», «Анчар», «К морю», «Храни меня, мой талисман», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», «Кавказ» и др. И все они качественно переведены на чувашский язык Валери Тургаем.

Уникальность этого сборника, вышедшего ко дню рождения Пушкина, заключается в том, что впервые стихотворения великого русского поэта под одной обложкой напечатаны на двух языках – на чувашском и на русском.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О любви к Пушкину. Пушкин в Израиле

Ашкелон: Издательство «ILENKNIF»

2017 286 с.

Этот сборник представляет собой почти 300-страничное признание в любви великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину от израильских авторов. «Когда говорят: «Пушкин», подразумевают русскую литературу. Но мало кто знает, что великий русский поэт оказал влияние и на становление литературы на иврите», – пишет Захар Гельман в статье «Пушкин в Израиле».

В книгу вошли разноплановые произведения: от литературоведческих и текстологических эссе до стихотворных посвящений поэту. Особое внимание уделяется в сборнике проблеме перевода творчества Пушкина на иврит.

Открывается сборник статьёй известного пушкиниста Михаила Филина о значении Пушкина в мировой и национальной культуре, которая так и называется: «О любви к Пушкину». Статья эта, к слову, впервые была опубликована в «Литературной газете».

АЛЬБОМ

Наталья Михайлова, Фаина Рысина. Прогулки по Москве с Василием Львовичем Пушкиным

М. Планета 2016

120 с. 2000 экз.

«Прогулки по Москве с Василием Львовичем Пушкиным» – это своего рода путеводитель, с помощью которого можно совершить увлекательное путешествие в Москву начала XIX века и увидеть сегодняшнюю столицу России такой, какой видел её великий русский поэт Александр Пушкин.

На страницах альбома соседствуют акварели, гравюры и литографии пушкинского времени и современные снимки, благодаря чему можно увидеть, как изменилась Первопрестольная за два столетия. При этом каждое место сопровождается фрагментами из поэзии и прозы Василия Пушкина, который выступает на страницах издания своеобразным гидом в этом путешествии в прошлое.

Выход альбома приурочен к 250-летию знаменитого дяди «солнца русской поэзии», которое отмечалось в 2016 году.

Подготовили **А. Ермакова, В. Галкина**

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

„Социал-традиция“ Александра Щипкова

Какое будущее ожидает Россию и весь мир?

А.В. Щипков
Социал-традиция
Монография
М. АСТ ПРЕСС КНИГА
2017 320 с.

14 июня в МИА «Россия сегодня» будет представлена новая книга постоянного автора «Литературной газеты», известного русского политического философа Александра Щипкова. Называется «Социал-традиция». Это неологизм, придуманный автором и отвечающий его представлениям о современном политическом процессе.

Книга писалась в течение нескольких лет и отражает пристальный взгляд автора на бурные события последнего времени. Здесь и атаки на Церковь и верующих со стороны представителей «актуального искусства», и возвращение Крыма на историческую родину, и судьба «больших» идеологий в XIX веке, и русский холокост под названием «плаха», и феномен Бронзового века и аксиомодерна в русской культуре. Впрочем, это собрание пёстрых глав скреплено жёстким концептуальным каркасом.

В центре книги – тема возвращения традиционализма и его новой, не правой, этнокультурной, а левой – социальной трактовки. Автор показывает традицию не как набор неких общественных институтов или идеалов прошлого, а как механизм социокультурной трансляции и преемственности. Щипков утверждает, что будущее России и той части мира, которая выберет социальный, а не привычный этнокультурный традиционализм, неизбежно будет связана с построением новой модели общества, основанной одновременно на идее социальной справедливости и на приверженности традиционным ценностям.

Выдвинутая автором идея социал-традиционализма явно претендует на участие в формировании новой идеологии и преодолении существующего сегодня состояния идеологического вакуума.

«Социал-традиция» – это яркий, целостный, глубокий и понятный рядовому читателю анализ жизни современного общества. Щипков пишет о переоценке роли традиции в жизни современного человека. В идейном багаже автора можно отыскать ряд отсылок к евангельской традиции социального христианства, к наследию Иоанна Златоуста и его школы, к манифестам и деятельности русского подпольного социал-христианского движения, а также к широкому набору идей современной философской и политической мысли: от движения «радикальной ортодоксии» до школы мир-системного анализа.

Соединение левых и правых идей, одновременно противостоящих сегодня неолиберальным догмам, по мысли автора, приведёт к перестройке существующей социальной модели и изменит привычную, но уже не актуальную политическую шкалу. Социальный традиционализм займёт место центристской идеологии в рамках нового политического спектра, требующего новой понятийной разметки. В перспективе – возникновение социал-традиционалистской модели «большого общества», характеризующегося взаимной ответственностью его членов и договором поколений.

В жанровом отношении книга является научно-популярной или, как теперь принято говорить, тяготеет к научной беллетристике. Но это отнюдь не отменяет серьёзного аналитического подхода к рассматриваемым проблемам. Выбор жанра обязывает автора избегать крайностей – не «пересушить» текст и вместе с тем не фамильярничать с читателем, заставлять его усиленно думать и выдвигать собственные выводы о происходящем. То есть автору необходимо было пройти между Сциллой академического «форматного» подхода и Харибдой легковесного сочинительства. И это Александру Щипкову блестяще удалось.

Предлагаем вниманию читателей Пролог к книге «Социал-традиция».

Александр Щипков

Пролог

«Социал-традиция» – плод четырёхлетних размышлений. Работа над книгой начиналась в тяжёлое время. К 2012 году окончательно канула в прошлое так называемая эпоха нефтяного профицита, погрузившая Россию в состояние временного наркоза.

Наркоз стал отходить – и развороченное выжженное нутро начало болеть. В это время заметно усиливалось давление на общество.

Всё, что хоть как-то соотносилось с национальными или просто нерыночными ценностями, выпалывалось из сознания людей, изгонялось из медийной повестки. Шли провокации. На Болотной площади была предпринята попытка ультраправого переворота. Общество умело раскалывали. Людям навязывали чувство коллективной вины за «совок» и «тоталитарность», обвиняли ветеранов войны в фашизме и участии в заградотрядах. «Актуальные художники» наносили удары по Церкви, стремясь поссорить её со светской частью общества. В интеллигентской среде распространялся институт рукопожатности – форма дискриминации инакомыслящих. Тогда был особенно ощутим идеологический пресс, под которым мы на самом деле находимся много лет. Хотя 13-я статья Конституции уверенно утверждает, что в стране нет единой идеологии, людям навязывался жёсткий неолиберальный образ мысли.

Стало понятно, что и история России, и сам язык, на котором говорит общество, – всё это нуждается в кардинальном переосмыслении, что необходимо отказаться от мифов о безбрежных «естественных» правах, об абстрактном и никогда не существовавшем «общечеловеке», – заменив всё это обычными христианскими истинами и реальными людьми из души, плоти и крови. Теми, которые горели в танках, молились в храмах, писали прекрасную музыку и сохранили нам нашу страну и нас самих. Это была мысль о народе. Но народ является коллективным субъектом – носителем уникальной традиции. И без нормального функционирования традиции, без передачи социокультурного опыта невозможны ни прогресс, ни модернизация, ни реальная, а не процедурно-имитационная демократия.

Сразу же возник вопрос о том, почему для русской традиции так важны идеи равенства и братства, хотя на бывшем «западе» эти два слова давно стёрли со знамени либеральной революции, оставив лишь свободу, которая превратилась в ничего не значащий ярлык.

И другой вопрос: отчего в России традиция так часто прерывалась, а опыт народа – обнулялся? Почему русский народ оказался разделён на части, а куски его территории – отторгнуты? Почему факты массового уничтожения людей, если только они совершены не коммунистической властью, выводятся из публичного обсуждения и осуждения? Почему у страны нет права на свободную эмиссию национальной валюты и на серьёзные рублёвые кредиты, а за национальные чувства приходится оправдываться? Почему 15% населения привыкают считать «быдлом» остальные 85%, и кто их этому учит?

Чтобы всё это понять, требовалось изучить историческую систему отношений колониальной зависимости, применив разные подходы – от миросистемного до цивилизационного.

Постепенно я пришёл к выводу о том, что история XX века в России искусственно разделена на две части – большую (1914–2014) и малую (1917–1991), причём малая не только заслоняет, но почти вытесняет большую. На самом деле разрыв традиции был подготовлен именно 1914 годом – началом геноцида носителей русской идентичности в лице русин. А ведь это 250 тысяч уничтоженных, четверть миллиона. Знают ли школьники Талергоф и Терезин так же хорошо, как Освенцим и Бухенвальд, а если нет, то почему?

Также очень хотелось бы понять, почему нацизм, как будто побеждённый в 1945 году, откровенно реабилитирован в 2014-м. Эти вопросы встали особенно настоятельно после того как русское национальное движение на Украине было потоплено в крови, а пепел одесской Хатыни вызвал ликование в среде бывшей либеральной интеллигенции. Бывшей – потому что с этого момента выражение «либеральная интеллигенция» превратилось в оксюморон для всякого человека с принципами и живой совестью.

> *Происходящее в мире сегодня – это кризис. Но, как известно, кризис по-гречески означает «суд».*

Шли месяцы, продолжалась работа над книгой, и у меня менялось ощущение от собственного текста. В 2012 году мне казалось, что я работаю не на самое близкое будущее, а готовлю предмет для размышлений, которые будут уместны лет через десять. В 2014 году выяснилось, что время сильно обогнало и меня, и моих единомышленников, социал-традиционалистов. Оно пошло в галоп, и некоторые места текста устаревали на глазах и отставали от текущих событий. Какие там десять лет! Как бы не опоздать, думал я.

К 2015 году ситуация в стране и мире зависла в точке неустойчивого и тревожного равновесия. Для кого-то наступила новая весна народов, в нашем случае – русская весна в Крыму. А кто-то так и не получил признания своей русскости, воли к национальному освобождению и противостояния фашизму. Такое было впечатление, что разные эпохи просочились одна в другую или сплелись в прихотливый узор на ковре истории. Пришло время для более глубокого анализа и для более широких сопоставлений. Теперь никто никого не обгонял: моя работа и внешние события двигались примерно с одинаковой скоростью.

Чего бы я хотел от собственной книги, на какой эффект от неё рассчитываю? Прежде всего на избавление моих соотечественников от многих вредных иллюзий.

Мы привыкли к тому, что выражение «жить в интересное время» не сулит нам ничего хорошего. Это результат исторических разрывов, которые имели место в русской жизни. Особенно двух последних – 1917 и 1991 годов. В обоих случаях русское общество несло невосполнимые потери. Нажитый десятилетиями и веками коллективный опыт таял на глазах, и люди чувствовали себя словно на ледяном ветру – время совершало крутой поворот.

Вероятность ещё одной подобной катастрофы существует и сегодня. Но исход отнюдь не предопределён. Да и цена вопроса объективно несколько иная. Теперь решается судьба не только России, но и всего мира. Мы вместе стоим на исторической развилке. Либо опыт многих поколений будет сметён и раздавлен, что приведёт уже не к «восстанию масс», как в XX веке, а к регрессу и отползанию в пещерное прошлое. Либо человечество сможет вырулить на торную дорогу истории, с которой его грубо столкнули несколько веков назад.

Происходящее в мире сегодня – это кризис. Но, как известно, кризис по-гречески означает «суд». И этот момент истины, момент обнажения смысла времени есть величайшая ценность, которая будет адекватно оценена только нашими потомками. В основном об этом написана данная книга.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В ожидании определённости

Трамп ставит глобальные задачи Пентагону

О горячих точках планеты с президентом Академии геополитических проблем генерал-полковником Леонидом Ивашовым (на фото) беседует писатель, историк Игорь Шумейко.

– Президент США Трамп планирует создать на Ближнем Востоке новый военный альянс арабских стран, широко звучит словосочетание «арабское НАТО». Как вы оцениваете жизнеспособность и меру угрозы этого проекта для России?

– Трамп поставил Пентагону глобальную задачу, повторив её и на встрече с сотрудниками ЦРУ: вернуть контроль над арабской нефтью, американское доминирование в регионе. Новый треугольник: Россия–Турция–Иран, первые его реальные действия по умиротворению в Сирии – сильнейший геополитический шаг – вызвали в США желание скорых действий: выдавить указанную тройку из арабского мира, доразрушить важнейшие арабские государства, вызвав новые миллионы беженцев. Но нового альянса не будет. Что и подтверждает последний дипломатический скандал. Заявленные в него страны – конкуренты друг другу. Катар, Эмираты считают угрозой не только Иран, но и саудовцев, которые не умеют воевать и не хотят учиться, полагаясь на наёмников, йеменцев и прочих. Кое-какие услуги от наёмников получить можно, но умирать за плательщика они не будут. Элита важнейшей страны арабского мира – Египта – хорошо видит и цели США, и необходимость продолжения координации с Россией. Недавние встречи на уровне глав наших государств, министров обороны и иностранных дел ещё раз это подтвердили. А Ирак на сегодняшний день, увы, в группе, называемой «несостоявшиеся государства». Согласятся ли курды в него войти, а иракские шииты сосуществовать с суннитами – неясно.

«Арабское НАТО» – нереально, угроза в регионе – по-прежнему со стороны ИГ (запрещённая в России группировка), всё в большей степени переходящего от стратегии сосредоточения больших вооружённых подразделений к терактам, «сетевой войне». Сегодня Россия в Сирии не даёт превратить арабские, мусульманские страны в полуторамиллиардную чёрную дыру – по проекту «управляемый хаос», «Арабская весна»…

– Леонид Григорьевич, вы встречались с лидерами ведущих арабских стран, когда занимали должность начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны. Как они оценивали процессы, происходящие в регионе после распада СССР?

– Да, в составе делегации с министром обороны маршалом Сергеевым и лично мне довелось беседовать с Хосни Мубараком (Египет), Абдаллой Салехом (Йемен), Асадами Хафезом и Башаром (Сирия). Помню, Хафез Асад сказал: «Знаете, нигде больше так не жалели о распаде СССР, как в арабском мире! А среди арабов – более всего в Сирии». Хосни Мубарак чуть в других словах говорил: при СССР, несмотря на все слова Анвара Садата, у Египта было долговременное чувство защищённости.

– Перейдём на другую часть Азии – КНДР и её ракетно-ядерные испытания. Должна ли Россия, преемник СССР, играть бóльшую роль в разрешении кризиса?

– Я был в числе готовивших визит президента Путина в КНДР в 2000 г. Тогда были сделаны шаги по снижению напряжённости между Севером и Югом, заслужившие, как помните, одобрение всего мира. После визита Путина мы запустили процесс сближения позиций Севера и Юга, не по объединению государств, но по взаимной безопасности. А дальше? КНДР условием своего отказа от ядерных программ требовала гарантий безопасности, включая безъядерный статус всего полуострова, сокращение военного присутствия США. Но США не просто отказали – вообще вывели этот вопрос из обсуждения. То есть КНДР предлагали довериться США, надеяться, что ошибки – вроде иракской 2003 года – с ними не повторятся. А они вот верят лишь в собственное оружие. Я думаю, тут помогло бы сближение позиций обеих Корей, вхождение их в ШОС. Сложно? А вы вспомните Индию и Пакистан, сколько между ними произошло вооружённых конфликтов и полномасштабных войн! А после начатой политики сближения, увенчанной ныне вхождением бывших антагонистов в ШОС, положение улучшилось. Обоюдное обладание ядерным оружием тоже сказалось: оно, видите, может быть гарантом мира, в случае даже приблизительного паритета и обоюдного осознания уровней возможных потерь и своей ответственности. Даже грандиозные теракты в Мумбаи, где заговорщики, словно «дорожку посыпали», специально оставили массу следов, ведущих в Пакистан, не вызвали межгосударственного конфликта, как в предшествующие десятилетия.

Зловещая примета войны – пожар на нефтяных промыслах

– По ситуации в Донбассе, усилению ВСУ – смогут ли ДНР, ЛНР выдержать новые удары?

– Постоянное «кипение» Украины, сталкивание её с Россией – главная задача США, ради которой всё и затевалось. Вероятность новой военной эскалации очень велика. Политическая ситуация в Киеве всё хуже, сопротивление режиму Порошенко – всё более организованное. И когда ему намекнут: хочешь остаться у власти, сохранить свои миллиарды, продолжать получать кредиты – действуй в Донбассе более активно, он на это пойдёт. Надо признать прямо, без помощи, поставок вооружения из России, ДНР, ЛНР не устоят, ибо все запасы вооружений, боеприпасов, доставшиеся им в 2014 году, исякли. Но Россия пока не определилась: что она хочет от Донбасса. Все там – от Захарченко до шахтёра в забое – ждут этой определённости.

– А как вы оцениваете недавний саммит НАТО, первый с Трампом во главе?

– Он закончился ничем. Это была разведка и для Трампа, и для главных европейских партнёров. Франция, Германия, Британия сейчас, может, и хотели бы большей политической независимости от старшего союзника, но они понимают, как вообще устроена военная машина НАТО. Без США там нет космического компонента, разведки, связи, навигации. Военно-транспортная авиация, высокоинтеллектуальное оружие и многое другое – монополия США. А с другой стороны, европейцы не ощущают настоящей военной угрозы от России. Такой, чтобы требовала наращивания расходов, военных группировок. Снять эту пропагандистскую истерию – и видно, что европолитики понимают, что для реальной безопасности нужно возобновить договор с нами об обычных вооружениях, восстановить системы коллективной безопасности. Понимают, что через свои монополии во многих военных сферах США влияют и на экономику Евросоюза, чего европейцам очень не хотелось бы. Так что недавний саммит – не какие-то важные решения, а разведка по этим направлениям.

Странный ритуал: главы США, Саудовской Аравии и Египта возлагают руки на символический земной шар

РЕПЛИКА

Террор 1917-го: кто виноват?

Признание британского агента

Чем ближе ноябрь 2017-го, тем чаще в СМИ идёт поиск виновных в классовом терроре во время революции и братоубийственной Гражданской войны.

Но отчего же забыто наинадёжное свидетельство знаменитого главы британской спецмиссии в России, профессионального разведчика и организатора антисоветского заговора в 1918-м Роберта Локкарта. Он писал: «В Гражданской войне немало повинны союзники (речь о странах Антанты – союзниках царской России. – **В.О.**). Мы содействовали усилению террора и увеличению кровопролития» (Р. Локарт. «Буря над Россией». Рига, 1922).

Валентин Осипов,
писатель

СУММА ПРОПИСЬЮ

Искусством переводить стрелки западные политики овладели давно. Так и в увязке с событиями революции 1917 года. Официальной датой начала красного террора считается 17 августа 1918 года. Почему? В этот день в Петербурге бывшим студентом, юнкером во время Первой мировой войны, социалистом Каннегиссером был убит народный комиссар Северной Коммуны, руководитель Петербургской Чрезвычайной комиссии Урицкий. Вот выписка из официального документа: «При допросе Леонид Каннегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за арест офицеров и расстрел своего друга Перельцвейга». Спустя десять дней, 28 августа, социалистка Каплан уже в Москве покушалась на жизнь Ленина. Новые власти России были вынуждены отвечать…
В конечном итоге белый террор оказался столь же бессмысленным для достижения поставленной цели, как и всякий другой. Командующий войсками США в Сибири генерал Грэвс вспоминал: «В Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами» и «количество большевиков в Сибири ко времени Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода».

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

В диалоге с судьбой

Премьера „Кабалы святош“ в Театре Российской армии

Привилегия возраста – многое помню. Помню, к примеру, как Анатолий Эфрос, при самоотверженной поддержке артиста Пелевина, спектаклем «Мольер» по Булгакову прощался со зрителями Театра имени Ленинского комсомола, из которого в ту пору был изгнан. И зрители уходили из театра с ощущением мучительной потери, разрушения дома. Или другая эфросовская работа над «Мольером», та, что вместе с Любимовым, где противостояние художника и власти было доведено до края, до последней черты.

А вот артист Ришар Мартен, одновременно взрывной и изящный, – французский Мольер в спектакле русского драматурга Михаила Булгакова и русского режиссёра Сергея Арцибашева (Театр на Покровке). Он уходил из жизни, сопровождаемый отчаянным пением Высоцкого, – и возникал клубок догадок, версий, ассоциаций, которые держали крепко, не отпускали долго.

Как долго не отпускали предсмертные минуты Мольера – Олега Ефремова. Словно лет тридцать было сброшено, и во всю мхатовскую сцену засветились глаза, засветилась улыбка «современниковского» Олега.

Не бойся старости.
Что седина тебе – пустое!
Бросайся, рассекай водоворот,
И смерть к тебе не страшною,
простою,
Застенчивою девочкой придёт.

Чего вдруг Светлов вспомнился, с какой стати? А вот вспомнился, хотя смерть приходила к ефремовскому Мольеру отнюдь не застенчивой девочкой.

И вот ещё Мольер – Александр Ширвиндт в спектакле Театра сатиры – невозмутимый, ничему не удивляющийся, ко всему привыкший – так нет, и его ведь достали, и его…

Наверное, классику имеет смысл ставить, если в предыдущих сценических работах, пусть блестящих, тебе, лично тебе было что-то недодано.

В спектакле Бориса Морозова «Кабала святош» (художник Анастасия Глебова, художник по костюмам Андрей Климов, композитор Рубен Затикян, балетмейстер Алексей Молостов) стихия игры свободно перехлёстывает рамку театра Пале-Рояль, целиком завладевая Малой сценой Театра Российской армии.

Мысль о том, что жизнь и сцена едины, и не всегда поймёшь, где что, получает здесь новое подтверждение. Где лица, где маски, кому как комфортней?

Артисты мольеровского театра играют – понятно, такая у них профессия. Но, однако, король Людовик Николая Лазарева – такой заботливый, снисходительный, чуткий, только надо почтительно и с пониманием относиться к его урокам жизни и творчества. И сердить его не надо. Ибо если рассердишь, такая сущность вырвется изнутри, из-под маски, что страшновато сделается. Совсем страшно.

А в маркизе д’Орсиньи Сергея Федюшкина немного от привычного скандалиста, дуэлянта. Кажется, надоела ему эта роль до крайности, устал, годы, а играть надо, должен быть в королевской свите такой персонаж.

И, наконец, Архиепископ Сергея Смирнова – здесь удобная маска так приросла к лицу, что уже не отдерёшь, и ненависть к любому проявлению духовной свободы обретает черты фанатичной искренности.

В роли Мольера заслуженный артист России Андрей Егоров

Сцена из спектакля

В знаменитой сцене ссоры д’Орсиньи с Архиепископом они и переплёвываются каждый на свой игровой манер. Архиепископ: плевок, как смел меня ослушаться? Д’Орсиньи: плевок – противный поп, до чего надоел. Такое примерно получается великосветское собеседование. И Король тут как тут, улыбается во весь рот: а это, изволите видеть, мой ближний круг, такое представление могут задать, что и в Пале-Рояль ходить не надо. А в общем, ничего, годятся.

Элита, блин, извините за вульгаризм. Глянцевая обложка, сливки общества.

Держаться бы от них подальше, но сходятся сцена и зал, мешаются, проникают взаимно, не разделить, и из всей этой перепутанности резко, жёстко обозначается фигура Мольера.

Здесь – сущность, сердцевина спектакля. И не только потому, понятное дело, что Мольер – главный герой. А потому прежде всего, что режиссёр Борис Морозов и артист Андрей Егоров, минуя привычное, известное, прорываются в иные, малоосвоенные смысловые пласты булгаковской пьесы.

Ну да, художник и власть, противостояния, единоборства, сколько об этом написано и ещё будет написано. Но в таком вот противостоянии, единоборстве, существует, живёт, дышит личность художника, судьба художника, и его взаимоотношения с судьбой могут оказаться не менее захватывающими, чем взаимоотношения с властью. Вобрать их в себя, указав место в системе миропорядка.

«…Унижался… Ненавижу королевскую тиранию!» У Егорова в этом монологе не признание поражения, и не только горечь об утраченном, но – озарение, открытие: можно иначе. Не обивать пороги, не лизать сапоги, не ползать на коленях.

Слышите – можно!

Тут и Воланд приходит на ум: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас». Дальше, правда: «Сами предложат и сами всё дадут!»

И сатане, оказывается, бывают свойственны идеалистические иллюзии, – сути дела, впрочем, это не меняет.

Мольер на сцене Театра Армии вступает в диалог с судьбой, стремясь к тому же быть на равных. И когда это видишь, слышишь – пробуждаются свои образы, свой опыт, своя память.

Тот же Ефремов, даже чувствуя, как непоправимо убывают силы, органически не мог оказаться униженным, отступившим от себя, это было вне пределов его душевной структуры.

Иные варианты, конечно, тоже перед глазами во множестве. Поскольку судьбу всё равно не переиграешь, не лучше ли попробовать с ней в поддавки и что-то при этом выгадать, ещё и изощряясь в способе получения выгоды: хорошо бы, чтоб выглядело прилично, а впрочем…

(Вот только предфинальные минуты спектакля. Много суеты, и реплик из мольеровской пьесы не слышно, а ведь Булгаков включил в финал «Кабалы святош» отрывок из «Мнимого больного», надо полагать, неслучайно.)

Да, судьбу не переиграешь. Но принять её с достоинством доступно каждому. По крайней мере, попытаться – принять с достоинством.

Мольеру. Булгакову. Морозову. Мне. Вам.

Была бы потребность.

А уж там – как получится.

Константин Щербаков

ФЕСТИВАЛЬ

Победил „Мой прекрасный монстр“

Многие уже стали забывать, а некоторые даже и не знают, что такое СТЭМ. Сейчас все привыкли к модному телешоу КВН… а ведь когда-то Студенческий театр эстрадных миниатюр был неотъемлемой частью жизни в период учёбы в институте.

Проведение Первого Всероссийского фестиваля студенческих театров нетворческих вузов инициировало Министерство образования и науки РФ. Завершился он торжественной церемонией награждения победителей и праздничным гала-концертом, в котором приняли участие не только победители, но и студенты ВГИКа – прославленного вуза, принимавшего этот фестиваль.

Региональный отбор проводился по видеозаписям в субъектах Центрального федерального округа. Отобранные жюри студенческие театры были приглашены в Москву на открытый показ. Ими стали 10 театральных коллективов из Брянска, Воронежа, Гжели, Москвы, Орла, Рязани, Рыбинска и Тамбова.

По словам театроведа, начальника отдела театрального искусства Министерства культуры РФ Ярослава Седова, вошедшего в состав жюри, одним из основных критериев отбора стал прежде всего месседж – обращение к ровесникам, своим сверстникам, которое отличали сила и яркость эмоций: «Впечатления от фестиваля – самые радостные и вдохновляющие. Как говорил наш великий философ Лосев, театр – это искусство личностей; и в эту формулу всё понимание театра заключено! Мы видели здесь, на сцене, личности, молодых, но уже сформировавшихся людей со своими взглядами, со своим отношением к миру, со стремлением выразить это отношение к театральному мастерству. В этом плане – большая заслуга педагогов – руководителей этих коллективов. Человек приходит в театральный зал, чтобы как-то по-новому взглянуть на себя, на этот мир, на произведение, с которым встречается. Мы также почувствовали моменты какого-то творческого открытия, без которого театр невозможен…»

Учебный театр Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина со спектаклем «Мой прекрасный монстр» был отмечен дипломом и стал победителем. Он получит право участвовать во Втором фестивале студенческих театров.

Специальных дипломов жюри были удостоены: «Театр-студия «Ювента» Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева – «За гражданскую позицию художественного прочтения темы войны» (спектакль «Фронтовая повесть «Трепетные птицы»); «Театр равных» Воронежского государственного университета – «За гуманизм в театральных поисках» (спектакль «Денискины рассказы»); СТЭМ «Квартал 311» Брянского государственного инженерно-технологического университета – «За театральный диалог с пушкинским текстом» (спектакль «Маленькие трагедии Пушкина на студенческий лад»).

Фестиваль подарил атмосферу настоящего праздника, а также ни с чем не сравнимое ощущение успеха, творческого единения партнёров по сцене и зрителей, артистического вдохновения и эмоциональных открытий.

Татьяна Коломийцева

СКАНДАЛ

Опять об идейных врагах России

Лет пять назад я заступался за Валерию Новодворскую, которую тогда лишили какой-то медийной трибуны за её скандальные высказывания о русском народе. Да, да, боролся за свободу слова. Мотивировал примерно так: «Нельзя Новодворскую лишать слова, потому что она говорит то, что в России думают многие крайне влиятельные, вполне респектабельные господа, но не смеют произнести вслух».

С той поры свобода слова у нас на ТВ разрослась такая сногсшибательная, что её имеют, кажется, все из наиболее одиозных «ненавистников России»: от Ковтуна до Корейбы. Которых на ТВ используют в качестве мальчиков для битья (иногда и в прямом смысле). Как говорят, некоторым даже деньги платят за пользование этой самой свободой в российском эфире.

Но они стали надоедать, раздражать и наконец бесить. Почему мы должны на русском ТВ слушать гадости о России? Однако ковтуны – на всех федеральных каналах! Во всех ток-шоу!

Чашу переполнил Александр Сытин, которого недавно позвали в программу **«Поединок»**, посвящённую русофобии. Не буду цитировать высказывания идейного врага Русского мира – от откровенной русофобии Сытина открестился даже один из его секундантов (Давид Шнейдеров), – но в эфире государственного канала **(«Россия 1»)** этот «эксперт» пропагандировал нечто, совершенно недопустимое, не то что пахнущее нацизмом, но им и являющееся, направленное на уничтожение нашей страны, что и темпераментно разоблачали Кургинян и Соловьёв.

Он получил около 3%.

Ничтожно мало, конечно, но и не так мало… Стоило ли таких сытиных приглашать в эфир?

Хотя, судя по высказываниям президента Путина на питерском форуме, тема русофобии сейчас крайне актуальна. Не только в мире. Судя по буре в блогосфере, поднятой «Поединком», в России особенно.

Александр Кондрашов

ИСТОРИЯ

Камера смотрит в прошлое

Отечественное научно-популярное кино возвращается на телеэкран

В перестройку был в ходу острый клич: «Хватит смотреть на мир глазами Сенкевича!» В последние годы, увы, наши вкусы формируются на «привозной», импортной документалистике. В России научно-популярный жанр увядает, оставляя только шлейф воспоминаний о славных советских традициях.

Об истории у нас ежедневно толкуют в нервных ток-шоу. А просветительского документального кино практически нет. И даже необыкновенный интерес к истории, который мы наблюдаем в последние годы, не переломил ситуацию. «Датские» фильмы центральных телеканалов – не в счёт. Это всё-таки другой жанр, не научно-популярный. Современные дети не получают представления об историческом прошлом из отечественных научно-популярных фильмов. Зато всё чаще телевидение показывает полунаучные конференции и авторитетные интервью титулованных экспертов, которым не хватает ни артистизма, ни азарта. А талантливых популяризаторов можно заносить в Красную книгу.

Проект Геннадия Жигарева и Евгения Безбородова «Предки наших предков» уже насчитывает восемь серий. Думаю, на канале «Культура» мы увидим и следующие серии этой исторической эпопеи. Знаю, что эти фильмы смотрят школьники – не по телевизору, так в интернете. Повествование получилось динамичным, а недурственные натурные съёмки дополнены весьма бойкими мультипликационными сюжетами в современном вкусе. Остальное дорисует воображение. Потому что речь идёт о столь отдалённой эпохе, что одними документами и артефактами не отделаешься. Историческая правда – зыбкая величина, но жажда познания – объективная потребность человека. Вокруг неё и строится канва документального сериала.

Для полного успеха, пожалуй, не хватает узнаваемой авторской музыки, даже песни. Ведь тема не только просветительская, но и романтичная. Авторы документального сериала путешествуют по заповедным краям Евразии. Ищут наши корни. Ищут прародину – даже не славян, а индоевропейцев, о которых даже в учебниках написано смутно. Оказывается, нас многое связывает и с ними… Сквозной персонаж – путешественник. Но он – не единственный комментатор. В кадре появляются учёные, причём не только российские. От Чатал-Гуюка пришлось проделать путь в Моравию, не берег Дуная, где возникло первое славянское государство. За каждым поворотом загадок становится всё больше. Легенды, предположения, осколки цивилизаций, призраки исчезнувших городов, канувшие в Лету народы… Когда-то они заселяли безлюдные пространства Евразии. Их нет, но взаимосвязь продолжается – и мы можем найти следы «предков наших предков» и в нашей сегодняшней реальности. Прошлое не исчезает, а растворяется в будущем, обретает новые смыслы. Может быть, это банальная истина, но, чтобы понять её всерьёз, нужно прикоснуться к древним валунам, пройти по следам кочевых народов, по рекам, которые с тех пор почти не поменяли русла. Вот кинематографисты и подготовили для нас машину времени, почти настоящую. Вопросов в фильме гораздо больше, чем ответов. А иначе и быть не может, если речь идёт о тайнах тысячелетий.

Столица Великой Моравии Велеград, местоположение которого не установлено (Альфонс Муха. Введение славянской литургии, 1912)

Очень важно, что этот проект – нашенский, что по Турциям, Чехиям и Болгариям, а также по Уралу и Ладоге бродят киногруппы документалистов из России, которые что-то ищут и занимаются не политической пропагандой, а историей. Они учатся преподносить свои мысли в привлекательной упаковке, чтобы не проиграть борьбу за зрителя, в которой конкурировать приходится с проверенной индустрией. Надо бы, чтобы такие фильмы шли по центральным каналам каждый день в определённое время. Без зрителя они не останутся! А чем больше будет эфиров и споров, тем изобретательнее станут авторы. Право, надоело пробавляться американскими трактовками истории. Да и опасно это – жить чужим умом. А прогресс – это не только рывок в будущее, это ещё и более глубокая разведка в позавчерашнюю эпоху. Знания накапливаются, да и техника помогает.

Камера документалиста смотрит в прошлое. Всматривается. В кадре – версии, тайны. А значит, попытка изобретения машины времени во многом удалась.

Евгений Тростин

ПРЕМЬЕРА

Добрые и смешные

НТВ в сериальном показе отказывается от упора на брутальный криминал?

Здесь вспомнили, что есть такой жанр в кино, как… комедия. Да, да, не только слёзные мелодрамы, жуткие триллеры или идиотские «ржачные» ситкомы с подложенным смехом, но и лёгкие комедии, которые могут включать в себя все перечисленные жанры, посмеиваясь над ними и пародируя их штампы. Как это и происходило в классических кинокомедиях, в которых сюжет строился на похищении музейных ценностей – от «Стариков-разбойников» до «Как украсть миллион».

В фильме Владимира Фатьянова «Погоня за шедевром» шедевры не крадут, а спасают от кражи и вывоза за рубеж… Сюжет не бог весть какой закрученный, но фильм сразу привлёк к себе тем, что он… добрый. Здесь нет грязи и жёсткости, которыми перенасыщено сериальное «криминальное чтиво». Главные герои – обаятельно одержимый художник (талантливый Тимофей Трибунцев) и майор-компьютерщик из ФСБ – хорошие люди, верные друзья. Максим Виторган в роли фээсбэшника, постоянно попадающего в нелепые ситуации, поначалу несколько тяжеловат, но потом об этом забываешь, потому что режиссёр Фатьянов создал атмосферу, в которой актёрам удобно и легко. Они органичны и достоверны в комедийных предлагаемых обстоятельствах, и потому вдруг ловишь себя на том, что расплываешься в улыбке, а то и хохочешь.

Кадр из фильма «Погоня за шедевром»

Спасибо актёрам: здесь хороши также Маргарита Шубина в роли коварной музейщицы, Виктория Стивина (оча-

ровательная дознавательница из МВД), Евгений Антропов (её не в меру сметливый помощник), Галина Бокашевская (строгая учительница), Евгений Воскресенский (шведский коллекционер) и все другие…

Будем надеяться, что удачный комедийный опыт будет иметь продолжение – на нашем ТВ не хватает не только правды жизни, но и юмора, человечности и доброты.

А.К.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

„Астраханской губернии быть

Так повелел 300 лет назад Пётр I

У многих Астрахань ассоциируется с арбузами, помидорами воблой и икрой... А тут ведь и родина практической космонавтики, и колыбель Каспийской флотилии, и град, открывший России ворота на Восток, и любимая провинция Петра I, о которой он заботился не меньше, чем о своём детище на Неве... Сегодня в гостях у «ЛГ» – губернатор Астраханской области Александр Жилкин (на фото). Поводов для встречи несколько. Во-первых, в ноябре исполняется 300 лет указу Петра I об образовании Астраханской губернии, которой император повелел «быть особо», а во-вторых, выход из печати весьма увесистого фолианта под названием «Астраханская губерния. 300 лет на службе России».

– У нас край, действительно, исконно рыбацкий. Я, кстати, сам родом из понизового рыбачьего села... Скажу так: рыбаки-народ суровый, бахвалиться не любят, разве что под рюмочку про во-от такого сома отсюда и до угла, поэтому мы ждём, когда кто-нибудь со стороны о нас что-нибудь хорошее скажет. Хотя некоторые называют это не скромностью, а серьёзной недоработкой пиарщиков.

Но тут как-то очень ко времени подоспел юбилей, в результате празднования которого эта недооценённость губернии, надеюсь, благополучно устранится. Ожидается много гостей со всего света, включая руководителей крупных государств, в том числе наших добрых соседей по Каспию.

Мероприятий запланировано тоже много, но мы изначально решили использовать этот исторический юбилей не только для показа себя стране и миру, но и главным образом для серьёзного осмысления того многотрудного пути, который прошла вместе со страной Астраханская губерния. Конечно, не обойдёмся мы и без ярких событий, примером чему может служить прошедший в середине мая в Астрахани всероссийский Сабантуй – прекрасный праздник татарской и башкирской культуры с тысячами участников и гостями со всей страны.

Теперь вот о чём. В самом начале беседы была упомянута книга, изданная только что. Не скрою: меня по-настоящему увлекла концепция и юбилея в целом, и книги, поставившая во главу угла тему служения Отечеству. Это позволило нам взглянуть на события, образно говоря, не с равнины, а с возвышенности.

Крайне важно, что само по себе понятие служения – библейское, то есть не только духоподъёмное, но и проверенное веками и, если угодно, объединительное. Как бы вы ни относились к власти вчера, сегодня и завтра, Отечество у вас было, есть и будет одно, как и мать. Если удастся увлечь этим людей, то за будущее России можно будет не волноваться.

Что же касается могучей фигуры Петра, то император был ко всему прочему весьма страстной личностью. Если он что-то любил, то до обожания. Астраханской губернии дважды повезло. Сначала Господь нашёл ей укромное местечко в дельте прекрасной Волги, а затем Пётр Великий разглядел в этой губернии то, что не замечали или не вполне замечали до него – огромный стратегический и экономический потенциал.

Пётр Астрахань обожал. Всё ему было здесь по нраву. Отсюда он водил свои Персидские походы, здесь он чувствовал себя молодым, вникал во всё и вся. В это сейчас трудно поверить, но с его лёгкой руки в губернии одно время выращивали виноград, из которого делали вино, не уступавшее по качеству французскому! Голландские пристрастия Петра сказались на городской архитектуре. Царь озеленял город, вводил в обиход новые сельскохозяйственные культуры, даже приказал всем кораблям, плывущим в сторону Астрахани, везти в трюмах булыжник для городских мостовых!

А его Указ от 26 октября 1720 года, в котором он пишет губернатору Волынскому об аптекарском огороде, калмыцких быках, буйволах персидских, чинаровых и ореховых деревьях! Много вы знаете венценосных особ, которые снисходили бы до таких мелочей? А ведь именно они, эти «мелочи», сделали Петра личностью знаковой на все времена в не меньшей степени, чем его ратные и политические победы.

В нашей книге приводится строка из Сергея Есенина: «Большое видится на расстоянии...» 300 лет – куда уж больше! И вот глядишь из этого космоса на поселение в дельте Волги и видишь разные картины. Здесь и «...герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великая и Малая и Белыя России самодержца, Его Царского Величества Российского царствования, на котором три короны изображены, знаменующие три великие – Казанское, Астраханское, Сибирское – славные царства».

Здесь и петровская супергуберния, по масштабу своему превосходящая многие современные федеральные округа, здесь и выдающиеся государственные мужи, служившие в разные годы губернаторами, – Волынский, Соймонов, Татищев, Бекетов, Ртищев... Все они принадлежали к настоящей элите российского общества и почитали за честь служить Отечеству. Когда смотришь на жизнь и свершения этих выдающихся людей, то ощущаешь себя...Ну, ладно, не буду уточнять, кем именно себя ощущаешь – просто хочется дотянуться до их уровня. История – хорошее средство от зазнайства и самоуспокоения. И ещё чувствуешь гордость от того, что тебе повезло родиться в России.

Принадлежать к великой нации с великой историей, с великим языком, с великой культурой – это само по себе уже счастье. Вот для чего, в частности, нужны ещё исторические юбилеи – чтобы проникнуться этим потрясающим чувством личной сопричастности к судьбе и величию державы. Правда, для этого нужно работать, засучив рукава, а не просто гордиться.

Но вернёмся всё же к теме. Заключительная глава книги «Астраханская губерния. 300 лет на службе России» называется «Салют Петру Великому!». В ней ретроспективно прослеживается путь от петровских замыслов развития нашей губернии до их воплощения в жизнь на протяжении трёх веков. Пример одной лишь Астраханской губернии показывает, каких впечатляющих результатов можно добиться, если соединить прозорливость предводителя державы с упорным трудом людей на разных уровнях государственной и общественной службы.

Да, Пётр Алексеевич обладал мощным зрением и чутьём. Ведь сама Астрахань и в то время, и позднее являла собой с точки зрения обывателя достаточно ординарное зрелище, за исключением Кремля, который тот же Пётр считал наипрекраснейшим в своей империи. Любопытные отзывы о городе шли и от западных путешественников, а вот основоположник украинской литературы Тарас Григорьевич Шевченко, отбывавший здесь ссылку, назвал нашу «волжскую Венецию» «навозной кучей». А ещё спустя почти полтора века другой человек, приехав в Астрахань, ужаснулся увиденному.

В один из первых визитов Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в наш город мы против установленных правил показывать всё самое лучшее показали ему и самое худшее – целый район ветхого и аварийного жилья. Помните прекрасный фильм Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин», где в конце картины по зачуханной улице, поросшей камышом, идёт трамвайная платформа с оркестром? Вот эту «знаменитую» улицу, только без оркестра, мы и показали президенту.

Этот нестандартный ход обернулся благом и для Астрахани, и для России в целом: Владимир Владимирович прямо с этой «кинематографической» улицы позвонил в правительство и дал поручение подготовить соответствующие документы по ликвидации ветхого и аварийного жилья. Сейчас эта программа достаточно активно реализуется, и недавно президент России с удовлетворением отметил это, в очередной раз побывав в Астрахани.

Кстати, до Владимира Владимировича большинство руководителей страны к Астрахани относились достаточно равнодушно.

Хотя тот же Леонид Ильич Брежнев оченно любил здесь порыбачить и поохотиться... А вот Никита Сергеевич Хрущёв, приехав в наш город летом 1960 года, побывал в знаменитом районе Больших Исад с крупнейшим в округе базаром, полюбовался на многочисленных рыбаков, ловивших рыбу «немецкими» сетками прямо с Красного моста, и сказал сопровождавшему его первому секретарю обкома КПСС

ИЗ ИСТОРИИ

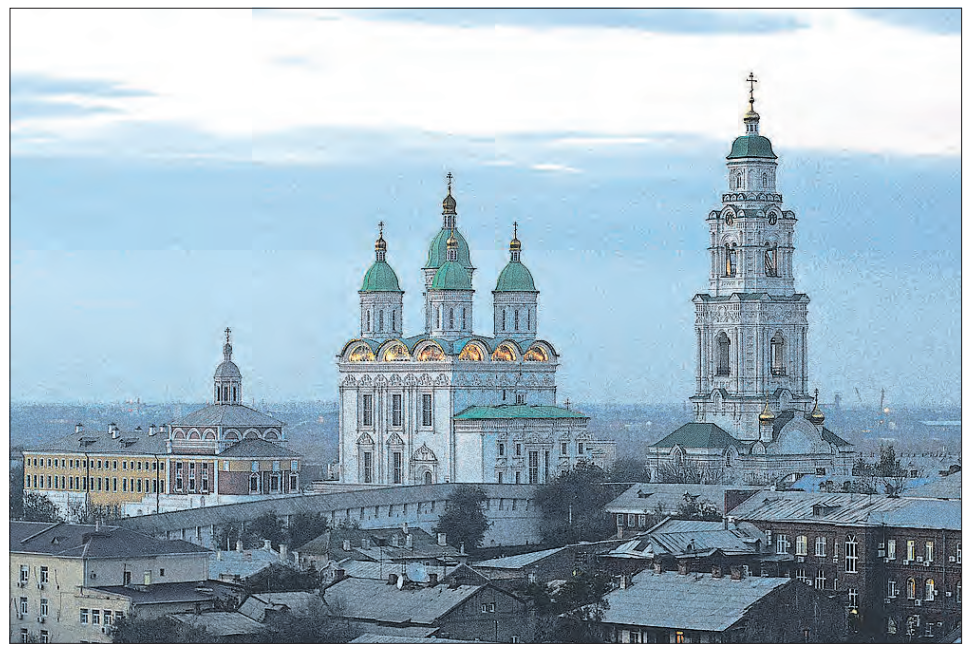
Астраханская губерния (ныне область) является историческим перекрёстком мировых экономических, культурных, этнических и конфессиональных путей, одной из заметных в России кладовых нефти, газа и рыбы, крупным научным, образовательным и медицинским центром, обладает мощным потенциалом для развития туризма, уникальной природой дельты великой национальной реки, развитой промышленностью и сельским хозяйством.

В 1946 году на севере Астраханской области на полигоне Капустин Яр началось строительство Государственного центрального полигона реактивной техники. С той поры здесь отработано 12 видов реактивной артиллерии, свыше 30 ракетных систем стратегического назначения, отсюда произведён первый пуск ракеты Р-2 и первой крылатой ракеты, положивший начало отработке ракетного оружия для оснащения подводных лодок.

22 июля 1951 года с космодрома Капустин Яр был осуществлён пуск ракеты с живыми существами, дворовыми собаками.

7 октября 2015 года ювелирно точной ракетной атакой за тысячи километров от цели моряки Каспийской флотилии (детища Петра) уничтожили в Сирии инфраструктурные объекты ИГИЛ (организация, запрещённая в России).

особо...“



Уникальный ансамбль Астраханского кремля, возведённого в середине XVI века по проекту архитектора Дорофея Мякишева

Ганенко: «Вот ты у меня денег всё просишь, а в Астрахани-то с одной удочкой можно, оказывается, прожить!» Этой гениальной хрущёвской сентенцией долгие ещё годы пользовались и другие наши вожди, когда речь заходила о финансовой поддержке региона.

Конечно, если бы Пётр сейчас, спустя 300 лет, взглянул на Астрахань, то порадовался бы тому, что угадал с выбором любимицы, ну и, разумеется, её верности своему покровителю. Город в дельте Волги воистину стал южным форпостом России да плюс к тому неофициальной столицей державы на Каспии. Здесь в последние годы были открыты и плодотворно работают три консульских учреждения иностранных государств: Казахстана, Туркменистана и Ирана. Насколько я знаю, в России не так много провинциальных городов, где бы международные связи были развиты на столь высоком уровне.

Прежде всего это результат продуманной государственной политики по вовлечению регионов в процесс международного сотрудничества. Нас уже не считают только лишь исполнителями, нам, как и в петровские времена, доверяют решать серьёзные общенациональные задачи. Ярким примером такого доверия можно считать трёхстороннюю встречу президентов России, Азербайджана и Армении по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта. Астрахань выступала в роли хозяйки этих важнейших переговоров, и, судя по заявлениям представителей заинтересованных сторон, включая ООН, неплохо справилась со своей задачей. То же самое можно сказать и о Четвёртом саммите глав пяти прикаспийских государств, прошедшем в нашем городе осенью 2014 года.

Было бы странно на общем благостном фоне не вспомнить о такой серьёзной проблеме, как коррупция. Шесть лет назад в «ЛГ» была опубликована статья астраханского писателя Юрия Никитина, основу которой составлял первый антикоррупционный уголовный процесс над советскими служащими и нэпманами, завершившийся в Астрахани в конце 20-х годов прошлого века смертными приговорами и большими сроками для осуждённых. Спустя три года новая статья – о коррупции в современной астраханской мэрии, на этот раз с десятью годами тюремного срока и полумиллиардным(!) штрафом экс-мэру.

Конечно, радости нам от этого было мало, но эти статьи сделали своё дело – показали, что мы не шепчемся по углам об этой сверхважной проблеме, а говорим о ней громко и внятно. Исторически сложилось так, что Астрахань стала тем городом, в котором первыми в СССР начали бороться с коррупцией. Но если в 1929 году в такой борьбе было слишком много политики, то теперь мы противостоим опаснейшему уголовному явлению, угрожающему национальной безопасности. Я сейчас назову цифру, возможно, в ущерб своей репутации руководителя: у нас в последние годы возбуждены сотни уголовных дел с коррупционной составляющей. Прочитают это сейчас где-нибудь в N-ске и скажут, а у нас вот три с половиной дела всего-навсего, да и то с двумя оправданными по суду!

Я не верю в избирательность коррупции: вот, мол, есть города и губернии более или менее коррупционные. Эта зараза, как чума, косит без разбора – быстро и широко. Здесь единственный правильный путь – системная борьба с мздоимцами, невзирая на ранги, и неотвратимость наказания. Кстати, эта борьба уже начала приносить первые плоды: количество желающих разбогатеть с использованием служебного кресла резко пошло на убыль. Но мы не успокоимся до той поры, пока коррупционные преступления не перейдут в разряд экзотических. Всё-таки куда приятней было говорить о Петре Алексеевиче...

Впрочем, можно и Петра Алексеевича подтянуть к этой теме. В стародавние времена был такой историк по фамилии Леонтьев. Так вот он очень подробно описал в своей книге весьма любопытные детали пребывания царя в Астрахани. Остановлюсь на одном эпизоде. На следующее утро после приезда к его резиденции пришла депутация во главе с известным астраханским купцом Панкратием Курочкиным. Люди хотели поприветствовать царя, ну и соответственно принесли «носы» – так в те времена назывались подарки.

Пётр принял и депутацию, и «носы», а также приглашение купца отобедать в его доме. В назначенное время Пётр с супругой прибыли в условленное место, но никакого дома там не обнаружили. Пока же они оглядывались по сторонам, в прямом смысле из-под земли вырос купец, который жил, как выяснилось, в землянке. Гости спустились по ступенькам и очутились в весьма комфортабельном жилище с персидскими коврами. Угощение тоже было знатным, да и купец оказался неплохим собеседником. При прощании жена хозяина вынесла серебряный сосуд, туго набитый золотыми монетами, и с поклоном вручила его императору. Тут же купец был приглашён на обед к царю, а по возвращении из Дербента Пётр пожаловал ему соляные озёра, находившиеся в 40 верстах от Астрахани. По современным юридическим стандартам эдак через недельку после всех этих обменов «любезностями» к Петру Великому, императору российскому, должны были прийти семь следователей в сопровождении ОМОНа, всё перевернуть, найти и изъять золото, а самого Петра Алексеевича, стало быть, под ручки белы и в острог. Во всяком случае, именно так думает некоторая часть нашего общества.

Хочу, однако, их разочаровать: не нашли бы они у него никакого золота, потому что драгоценный подарок сразу же ушёл в казну – для финансового обеспечения подготовки к важной военной кампании. Неужели кто-то в здравом уме может поверить, что император, у которого в руках пожизненно была вся Россия, будет думать о том, как бы это «срубить» в Астрахани лишний кубок с золотишком? Не нужно обыденное сознание переносить на людей исключительных, к которым, несомненно, относятся предводители такой великой державы, как Россия. Чаще всего эти люди достаточно скромны в своих желаниях, и сами разговоры о коррупции в высших эшелонах власти, по-моему, лишены смысла. Так что Петра Алексеевича мы в обиду не дадим.

Я уже, кажется, говорил, что у нас, куда ни кинь, что-нибудь да от Петра найдёшь. По сути, Астраханская губерния тогда была своеобразным полигоном для «обкатки» различных идей и новаций общегосударственного уровня. Здесь, на юго-востоке России, Пётр I образовал прочный административный центр, что позволило в дальнейшем создать нормальные условия для бизнеса, торговли, развития промышленности и сельского хозяйства. В свою очередь, стремительно развивающаяся Астраханская губерния должна была стать – и стала! – для соседей из Центральной Азии и Кавказа символом российской политической, военной и экономической мощи.

В Астраханской губернии впервые в практике государственного администрирования Петром был применён так называемый комплексный подход. В царских указах той поры явно проглядывают элементы современной науки управления.

В Астрахани была создана база для продвижения России на юг, юго-восток и юго-запад. И в наши дни проекция мощи державы на тот же Ближний Восток, вокруг которого вращается вся современная мировая политика, наиболее эффективно осуществляется в том числе и отсюда, из дельты Волги. Очень важным является и созданный здесь Петром транспортно-логистический узел и торговый центр. Достаточно сказать, что одно время Астраханский порт по объёму грузоперевозок уступал в России лишь Одесскому.

А основанная Петром Каспийская флотилия? А создание в губернии многонационального и многоконфессионального сообщества, эдакого «плавильного котла», где представители любого этноса, любой конфессии во взаимоуважительной обстановке имеют возможность сохранить свою идентичность? В наше неспокойное время, когда мир раздирают межэтнические и межконфессиональные конфликты, такой опыт не имеет цены. Мы попробуем привлечь к нему внимание мирового сообщества через культурологический проект «Дельта мира», который сейчас находится в работе. Ведь все города, расположенные в дельтах великих рек – а это, помимо Астрахани на Волге, и Калькутта (Ганг), и Новый Орлеан (Миссисипи), и Роттердам (Рейн), и Гамбург (Эльба), и Александрия(-Нил), – породнены самой природой, имеют много схожего в разных жизненных сферах. Уверен, что Пётр приветствовал бы такой союз дельтовых городов, инициированный к тому же его любимой Астраханью.

Что же касается вопроса, хорошо ли теперь жить в дельте Волги, то я, пожалуй, воздержусь от комментария как человек заинтересованный. А читателей «ЛГ» приглашаю самим ответить на этот вопрос, приехав в Астраханский край. Здесь есть, на что посмотреть и чем порадовать себя.

Прекрасный город в дельте великой реки

СОРОКОВИНЫ

„Да не судим будешь!“

Вспоминая Анатолия Алексина

ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ

Последняя встреча Альберта Лиханова (справа) и Анатолия Алексина

Из Люксембурга позвонила Алёна Зандер, названная дочь Анатолия Алексина, и сказала, что он умер 1 мая. Ему шёл 93-й год.

У нас что-то перестают жалеть старых людей. Отжил девяносто, да ещё с гаком, сполна получил свой кусок жизни – возблагодарим судьбу.

И всё-таки, всё-таки... Ведь каждого должна посещать эта простая мысль: с уходом дорогого или просто хорошо тебе знакомого человека уходит и часть тебя самого. Уходят встречи, споры, несогласия. Даже обиды уходят.

Я был готов к звонку из Люксембурга, потому что сумел попрощаться с Анатолием Георгиевичем. Два года назад меня позвали в Париж на презентацию двух моих переведённых книг, и сын мой Дмитрий, хорошо знавший и Алёну, и Алексина, предложил: «А давай съездим к нему, там же рядом!»

Мы взяли пару его новоизданных в Москве книг, которые он не видел, и скоро оказались в чистенькой богадельне, которую по-нашему можно назвать домом ветеранов, но тяжело больных.

Анатолий Георгиевич сидел в коляске, я подошёл к нему, наклонился, спросил:

– Узнаёшь?

Слёзы выкатились из немигающих глаз. Он прошептал:

– Я всё помню!

Нам разрешили переместиться к ресторанчику напротив, мы заказали обед, немного коньяка.

Он почти не говорил – как это не похоже на Алексина. Но то, что произносил шёпотом, было для него решающим, хотя и неисполнимым.

Незадолго до этого, в том же корпусе, что и дом престарелых, в клинике, скончалась от онкологии его жена Татьяна Евсеевна Сетунская. Мы успели с ней перемолвиться в интернете... А на книжки из Москвы он глянул отстранённо, как на что-то чуждое – и это было непохоже на него.

Коньяк он выпил. Дмитрий с Алёной отошли в сторону, и я сказал то, что должен, наверное, был сказать, потому что любил и люблю его повести, напечатанные в «Юности», и искренне, широко признанные дома.

– Зря вы уехали! В России вам было бы лучше. Вам бы поклонялись и новые люди, и нынешнее государство!

Из него снова покатились слёзы. Он прошептал:

– Можно мне вернуться?

– Конечно, можно! – воскликнул я, а за скобками повисло: только к кому?

Когда с кем-то долго не видишься, не переписываешься, не говоришь по телефону, такой человек как бы замирает во времени – остаётся в сознании твоём таким, каким ты его запомнил при последних встречах. Я содрогался, разглядывая дорогого друга через двадцать лет после последнего общения. Он уехал в Израиль, не сказав об этом даже своим самым близким друзьям, хотя кому какое дело до именно такого решения взрослого человека? Не попрощался он и со мной. И вот теперь я сидел с ним, двадцать лет спустя, совсем по Дюма, и не испытывал никакой досады.

Он выбрал своё. Он поверил в то, что не знал, и разуверился в том, что его признавало: и орден Ленина, и два «Трудовика», и две Госпремии, и собрание сочинений, и, главное, признание читательских миллионов – можно было рассчитывать на такое же, переехав даже в самую тёплую заграницу?

Впрочем, ошибаются все и у каждого свои печали.

А тогда я попросил Анатолия Георгиевича подписать автограф читателям «Юности». Почти уверен, что это был последний автограф.

Анатолий Георгиевич прославился тем, что писал короткие повести – потому, среди прочего, у него было и есть множество читателей. Когда он печатался в «Юности» (больше 20 повестей), всё это становилось мгновенным достоянием огромной среды – такого не было никогда и нигде в мире. Его повести влияли на мораль впрямую – они становились действенным педагогическим инструментом. Его любили учителя – он помогал им воспитывать учеников: тогда это крепко ценилось.

Если же говорить о славе прижизненной – она всегда желанней, ибо очевидна, реальна, ощутима – так страна ею щедро расплачивалась с этим замечательным мастером, и за ней бы «не заржавело» ценить его и далее, даже с особым тщанием, не перемени он места жительства. Но в поисках чего? Свободы? Так вот она, ешь – не хочу. Славы, так сказать, мировой – так она была и прежде, да и не лучше ли достигать её из дому? Правды? Ею уже никого не удивишь, не сотрясёшь ею первооснов отеческих. Впрочем, не звучит ли всё это как запоздалый призыв к возвращению?

Царствие тебе небесное, дорогой Анатолий Георгиевич! Я уверен, что ты не обидишься на меня за эти мои слова. Ведь ты и похоронить-то завещал свой прах в Москве, а это значит – вернулся.

А судить – это не право, данное нам. Нам, столь же грешным, даётся другое право – не судить!

Не зря же сказано: «Не суди, да не судим будешь!»

Альберт Лиханов

ПРОЗА

Волчара

Юрий Алпатов,
егерь Воронинского заповедника, с. Соколово Кирсановского района Тамбовской области

Волк лежал на правом боку, снег падал на него и почти не таял, пуля пробила ему живот, а вторая застряла в левой ноге.

Волк не в первый раз попадал под шквальный огонь, но в этот раз ему досталось серьёзно. Да и вообще, что-то в последнее время всё не складывалось. Когда волчата росли, он часто рисковал, потому что их было семеро. Волчица плакала, когда не было мяса, а волчата так жалобно скулили, что не было сил смотреть на них, приходилось рисковать.

Волк был огромный и мог справиться даже с быком. Но неудачи шли одна за другой. Шесть ран получил волк, пока кормил волчат. Ему всегда удавалось быстро вылечить себя. Да и в этот раз он уже справился с болью и почти остановил сердце, для того чтобы кровь не текла из живота. Надо было пролежать двое суток, и рана зарубцевалась бы. Хорошо, что была зима, зимой раны быстрее заживают.

Волк помнил, как волчата выросли, а росли они быстро. Он не заходил к ним в логово, там с ними была только мамка. Мамка была ласковой, красивой и молодой. Он любил своих волчат и любил свою волчицу, но прошло время, волчата выросли и должны были стать безжалостными хозяевами леса.

Волк понимал, что он им уже не нужен. И однажды, когда он вернулся к ним с добычей, волчица подняла верхнюю губу и, показав свой оскал, начала рычать на него. Волчара знал, что это закон тайги, но всё равно поведение волчицы его сильно ранило. А когда его дети, волчата, подражая мамке, выстроились в ряд и начали тоже рычать, он понял – это конец его счастью, пора уходить.

Он медленно опустил добычу на землю, смотрел на волчат и понимал, что в одно мгновение он мог бы их разорвать на куски. Но делать этого было нельзя, потому что закон тайги предписывает оставить свою семью. Волк огрызнулся и, не оборачиваясь, пошёл в лес.

Хорошо, что дети выросли и могут теперь сами добывать себе пропитание, и это его заслуга. Но было обидно и одиноко.

Злоба душила его, он сел и начал выть. Сидел долго. Тоска раздирала ему грудь. Наверное, на этот вой и вышли охотники. В этот раз ему уже не было страшно, потому что нечего было терять, некого защищать и некого любить.

Он чувствовал запах человека, он уже слышал лай собак, но сидел, не шелохнувшись, и выл. Волчара легко мог бы уйти от этих жирных двуногих псов, но тогда они найдут волчат, а этого допустить было нельзя!

Вот на поляне появился первый охотник. Волчара принял решение – это будет последний бой.

Охотник шёл один, без собак. Волк в три прыжка оказался рядом с ним и зубы, как лезвие, пронзили его. Конечно, остальные двуногие слышали и всё видели, они были совсем рядом. Но он не торопился. Тоска и злоба никак не могли уйти из его сердца. Он хотел выбрать следующую жертву, но тут что-то его резко ударило в бок. Опять, наверное, пуля, подумал волк.

Охотники не отставали, впереди них бежал матёрый волкодав, который был известен на всю округу. Псина была не меньше его, и волк решил с ней посчитаться. Он сделал круг и встал с подветренной стороны, за деревом, ожидая собаку. Но волкодав почувствовал его запах, и бой оказался нелёгким. Волк слишком долго возился с этим человеческим холуём, но когда бросил разорванное тело пса, волчара почувствовал, что его догнала смерть!

Вторая пуля попала в живот, и это был конец.

На душе стало легче, тоска ушла. Волчара понял, что он отмучился и скоро уйдёт в мир вечной охоты.

Люди подошли к нему, он слышал, как они говорят: «Всё. Сдох...» Один из них прикладом ткнул ему в живот, в рану, боль была сильная, но он вытерпел. Волк надеялся, ждал, может, ему судьба даст ещё один шанс?!

И удача пришла!

Один из них, осмелев, подошёл к волку и ткнул его ногой в пасть. Глаза волка были стеклянные, но он всё видел. Он собрал последние силы, запустил сердце и сделал последний прыжок. Он с удовольствием почувствовал, как у него в зубах хрустит сломанная человеческая кость.

Всё-о!!! Сердце волка прыгало от радости!

Он знал, что жить осталось несколько мгновений.

Волчара уже не слышал, как в него стреляли, как визжали от страха охотники, как скулили шавки, он уже не чувствовал боли, но всё крепче и крепче сжимал зубы, а душа волчья уходила в счастливый весенний мир, где он был самым сильным, где всегда были удача, счастье и радость, где был чистый воздух, вкусная вода, много свободной дичи, белый снег, и не было двуногих тварей, которые ради прихоти уничтожали всё, что он любил и ради чего жил.

ПРОЕКТ

Электробусам – зелёный свет!

Такова транспортная стратегия России и её столицы

В рамках Международного экономического форума, проходившего в Санкт-Петербурге с 1 по 3 июня, правительства России и Москвы подписали меморандум о создании Национального консорциума развития автономного электрического транспорта. Цель организации – разработка и организация производства электробусов, а также развитие отечественного рынка автономного электротранспорта.

– Внедрение лучших мировых технологий для нас является критически важным, мы сегодня работаем над обновлением автобусного парка, он самый молодой в Европе, – отметил на подписании меморандума мэр столицы Сергей Собянин. – Начали с поставок современных вагонов метро, трамваев, внедрена одна из лучших в мире интеллектуальных транспортных систем. Поэтому мы готовы к дальнейшему технологическому шагу, направленному на развитие городского общественного транспорта. И таким шагом, несомненно, должно стать использование электробусов, электрического транспорта, насыщенного новыми технологиями, технологией самоуправления, автоматического управления транспортом.

Московский градоначальник подчеркнул, что Москва может закупить как минимум 300 электробусов, отвечающих экологическим требованиям и требованиям безопасности. По словам Сергея Собянина, город готов оказывать производителям экологической техники полное содействие.

Выступая на Петербургском экономическом форуме, мэр также отметил, что, несмотря на кризис, экономика Москвы растёт по всем показателям. Он напомнил, что на одной из сессий форума презентовали Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. И если в прошлом году столица находилась на девятом месте, то в нынешнем она заняла третье место.

Санкт-Петербург. Международный экономический форум. Мэр Москвы Сергей Собянин и глава Минэкономразвития Денис Мантуров подписывают меморандум о создании национального консорциума

СПРАВКА

За последние годы в городе практически полностью обновился подвижной состав общественного транспорта. В том числе было закуплено около тысячи автобусов экологического класса «Евро-5». Модернизация парка продолжается и сейчас. В частности, до 2019 года столица получит 300 шестидверных трамваев нового поколения «Витязь-М».

ИНФРАСТРУКТУРА

Ещё одна дорожная артерия

Завершилась реконструкция Аминьевского шоссе

На полгода раньше намеченного по контракту срока завершилась реконструкция Аминьевского шоссе до развязки с улицей Генерала Дорохова.

Теперь основной ход магистрали представляет собой трассу с двумя-пятью полосами движения в каждую сторону. Работы на данном участке велись в рамках строительства Северо-Западной хорды, которая пройдёт через северные и западные районы столицы от Дмитровского до Сколковского шоссе и далее до Мичуринского проспекта.

– Закончилась одна из самых крупных дорожных строек Москвы – реконструкция Аминьевского шоссе, – заявил мэр Москвы Сергей Собянин, открывая движение по реконструированному участку. – Две эстакады, два тоннеля, два моста через реку Сетунь – всего 8 км новых дорог. Аминьевское шоссе является частью и Северо-Западной хорды, и Южной рокады одновременно, которая тянется от Рублёвского шоссе до Каширки и дальше до Люблинской улицы. Теперь пропускная способность Аминьевского шоссе увеличивается почти на 30%. Она улучшит движение двух прилегающих районов, подъезды к двум существующим станциям метро, четырём строящимся станциям.

Как сообщается в материалах пресс-службы мэрии, реализация этого и аналогичных проектов дорожного строительства создаёт возможность для преимущественного развития зон предстоящей реновации жилищного фонда Москвы, прежде всего за счёт развития инфраструктуры соответствующих городских территорий.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Пётр Аксёнов, первый замруководителя Департамента строительства:

– Мы рассчитываем в октябре открыть движение на последнем участке Северо-Западной хорды, который соединит улицу Генерала Дорохова с Мосфильмовской.

ВЫСТАВКА

К юбилею классика

В год 125-летия со дня рождения Константина Паустовского в Москве готовится к открытию большая выставка о жизни и творчестве писателя.

– Открытие планируется к 1 ноября, – сообщил министр правительства столицы, руководитель Департамента культуры города Александр Кибовский. – Мы уже делали такие о Михаиле Булгакове и Марине Цветаевой. Надеемся показать не только то, что имеется в музеях и архивах, но и то, что находится в частных собраниях. Свидетельства жизни этого человека. Хочется, чтобы выставка, которую мы соберём в «Галерее Беляево», стала не только ярким воспоминанием, но и получила возможность постоянной прописки – для всех, кто любит, ценит и помнит творчество этого удивительного мастера.

Предполагается, что экспозиция будет работать до 17 декабря. А. Кибовский уточнил, что часть её, не исключено, останется в галерее на постоянной основе, а другая вернётся в свои фонды.

В настоящее время в Кузьминках работает Московский литературный музей-центр К. Паустовского, однако он занимает территорию лишь одного небольшого особняка.

ПЕРСПЕКТИВА

ВДНХ преображается

В настоящее время на десятках объектов ВДНХ ведутся реставрационные работы. В ближайшие годы в этом культурном центре столицы восстановят 37 исторических павильонов и 17 фонтанов, построят современные музеи и развлекательные комплексы.

Пятого июня мэр Москвы Сергей Собянин открыл в павильоне № 62 Международный центр балета.

– На ВДНХ реализуется около десятка крупнейших проектов. Это и «Город ремесленников», «Город героев», и парк аттракционов, и ландшафтный парк, и музей восточного искусства, и павильон «Космос», и павильоны бывших республик СНГ. В этом перечне Международный центр балета, наверное, не самый крупный объект, но очень душевный, интересный, и показательный – заметил градоначальник.

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Жить на разрыве сердца!

70 лет исполняется казахскому поэту Нурлану Оразалину

«Поэзия, в тебе моя судьба, мой отражённый свет, ты – зеркало; близнец моих исканий» – так можно переложить на язык поэзии Пушкина известную метафору – афоризм казахского классика Мукагали, творчество которого всем сердцем чтит поэт и общественный деятель современного Казахстана Нурлан Оразалин.

ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВ

Да и родились они в одной географической местности, в предгорьях пика Хан Тенгри, что виден издалека, среди гор и долин, где берут начало семь рек Жетысу и поражают своей необыкновенной чистотой у истоков, у родников. И здесь почти в каждом горном массиве или ауле есть свой Айнабулак, что в переводе означает «Зеркальный родник», есть и свой Тамшыбулак – «Капля-родник». Говорят, что здесь когда-то отдыхал и сам Марко Поло, проходя Великий Шёлковый путь, что вновь возрождается, но уже в сложном и противоречивом двадцать первом столетии. Если развернуть и продолжить метафору Мукагали, то смысл поэтического вещества в зеркальном отражении реального мира и светлой тени поэтической судьбы у той самой горной речки, что, ниспадая, разбивается о камни, сверкает бриллиантами брызг на восходе солнца.

Здесь если не каждый, то наверняка каждый пятый-десятый рождён поэтом. Знаю, что говорю, ибо не раз приходилось бывать в этих краях и вдыхать хрустальный воздух этих мест. Здесь и родился семьдесят лет назад известный поэт и драматург Нурлан Мыркасымович Оразалин.

Есть у поколения поэтов, родившихся в сороковые годы XX века после Великой Победы, к которому принадлежит и наш юбиляр, одно ценное и неброское на первый взгляд качество поэта-личности. Они, становясь известными читателю первыми циклами своих стихов, дополняют друг друга – именно в силу своей неординарности, в силу своего таланта. И тем самым, образно говоря, создают лоскутное одеяло – курак-корпе – своего детства и юности. Это – своеобразные степные витражи, когда вольно и свободно дышится запахом влажной земли, уходящим в бескрайнюю степь Казахстана в пору полноцветия. Именно там, в горах и предгорьях, рождаются те самые родники поэзии, о которых я уже упоминал.

И пока живы наши родители, пока жив отец, мы почти уверены, что мир неизменен в своей устойчивой закономерности. И только с уходом отца из земной жизни понимаешь, что это катастрофа в твоей судьбе и в судьбах твоих близких. Нурлан Оразалин, как и многие поэты мира, хранит бессмертную память о своём отце:

Я стихов не пишу –
вот такая беда.
Но случилась иная –
страшней всех потерь:
Нет отца у меня.
Он ушёл навсегда.
Он уже никогда не войдёт
в мою дверь.
Он не будет подтрунивать,
щурясь слегка:
«Где же книжка стихов?
Скоро выйдет, я жду?!»
И никто не услышит
от фронтовика
Слов, бичующих мелочность
и ерунду.

«Памяти отца», пер. Б. Джилкибаева

Тема поэтического одиночества, кстати, весьма характерная для всей мировой поэзии, присутствует в строках поэта, когда он вспоминает друзей своей юности и молодости:

Нет давно вестей
от былых друзей,
В памяти моей
нет ушедших дней,
Стёрлись имена,
встречи и дела,
Не осталось улиц
юности моей.
Где они теперь,
старые друзья?
Встретиться опять
нам уже нельзя,
Только по ночам
вспыхивает вдруг
Слово, что сказал мне
когда-то друг.

«О былых друзьях», пер. А. Матвеева

Такие строки трогают сердце и душу в силу глубины поэтического чувства. А это актуально и весомо, особенно в наши дни, когда нивелируются в мире простые общечеловеческие истины.

В предисловии к новому «Избранному» в переводах на русский язык Олжас Сулейменов отмечает: «Творчество поэта Нурлана Оразалина, на мой взгляд, умело сочетает в себе прекрасные национальные поэтические традиции с высокими школами Востока и Запада. И эта перекличка пронизывает многие переводы его произведений, когда яркие образы, покрытые оболочкой слов, вызывают как бы ответное вдохновение переводчика».

«Опять тянусь душой к великому Абаю», – эта строчка Нурлана Оразалина перекликается со стихотворением «Памяти Мукагали». Однако есть ещё и достойная преемственность мастерства и философских размышлений с традициями Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима, Давида Кугультинова... В жестокую эпоху глобализации, когда рушатся общечеловеческие устои и традиции, необходимо вновь и вновь возводить мосты нашего поэтического духа.

Нурлан Оразалин в разные годы работал литературным сотрудником в газетах и журналах, тогда же, в конце шестидесятых годов прошлого столетия, появились его первые поэтические публикации, а в середине семидесятых – первые драматические произведения, поставленные на сценах республиканских театров Казахстана и за рубежом. Первый сборник стихов «Беспокойное сердце» был издан в 1977 году. В 1986 году поэт избран первым секретарём Казахского союза театральных деятелей, избирался депутатом ряда созывов Верховного Совета и сената Республики Казахстан. В бытность свою депутатом поэт активно занимался вопросами культуры и национальной политики. А сегодня он – председатель правления Союза писателей Казахстана. В разные годы был сопредседателем Международного литературного фонда и заместителем председателя Международного сообщества писательских союзов стран СНГ (при Сергее Михалкове). При его всестороннем участии и содействии к сотрудничеству с Союзом писателей Казахстана были привлечены многие государственные и общественные структуры, а также меценаты-бизнесмены для организации значимых и насущных для нашей культуры акций. В числе этих акций – выход шеститомной «Антологии казахской литературы» в московском издательстве «Художественная литература», альманаха «Казахстан–Россия», антологии поэзии «Вечная страна моя», посвящённой 25-летию независимости Казахстана. В эту антологию вошли стихи представителей народностей, проживающих в многонациональной республике. Особо хочу подчеркнуть, что благодаря усилиям Нурлана Оразалина Союзу писателей Казахстана были возвращены печатные органы – литературные журналы «Жулдыз» и «Простор», литературная газета «Қазақ Әдебиеті». Волею печального случая эти печатные органы были в своё время «отстранены» от нашего писательского братства и едва дышали на грани закрытия. И только благодаря бескомпромиссным решениям руководства Союза писателей эти журналы и газета вновь радуют читателей и, разумеется, писателей Казахстана. Наверное, такое было бы невозможно без участия Нурлана Оразалина.

Поэт постоянно общается со своими читателями. Публичные выступления Первого секретаря писательского сообщества, поэта и драматурга всегда на слуху в родной стране и в зарубежье – ближнем и дальнем. А как же стихи и пьесы при таком плотном графике общественной деятельности? А стихи и пьесы – когда короткая ночь отводит для этого своё святое время сжатой до предела пружиной и вновь разжимается в виде новой книги стихов или новой пьесы.

Таким вот образом книга стихов Нурлана Оразалина, вышедшая во Франции, перекликается с его книгами на китайском, турецком и других языках мира. А в братской России к 70-летию поэта в Москве вышло «Избранное» на русском языке, и в Казани на татарском заметно прозвучали стихи лауреата Государственной премии Республики Казахстан поэта Нурлана Оразалина.

Жизнь и творчество поэта – всегда, говоря его словами, «на разрыве сердца».

Бахытжан Канапьянов,
собкор «ЛГ»,
Республика Казахстан

«ЛГ» поздравляет Нурлана Мыркасымовича Оразалина с юбилеем и желает крепкого здоровья и покорения новых литературных вершин!

ИЗ ИСТОРИИ

«...О том, что в поэзии есть таинство души, изящество, луч солнца и ливни, всё это поэт Нурлан Оразалин выразил осмысленно и содержательно по своей поэтической сути».

Габит Мусрепов, 1984 год

«Я, как старейшина советской и постсоветской литературы, видавший на своём веку достаточно разных людей, восхищён порядочностью, человечностью, деловитостью и скромностью моего молодого друга, коллеги Нурлана Мыркасымовича Оразалина и уверен, что он и своим литературным талантом, и неспокойным добрым сердцем, и организаторской способностью принесёт много-много пользы для духовного единства народов наших стран...»

Сергей Михалков, 2004 год

«Лирические образы поэтических произведений Нурлана Оразалина, возникшие в родных местах, выходят по тропе Вселенной на горизонт раздумий и общечеловеческих ценностей».

Чингиз Айтматов, 1997 год

«Обаятельный, открытый, мудрый и твёрдый в своих убеждениях, таким он предстаёт в стихах этой книги. Может, именно его человеческий талант – самый главный в жизни, привлёк к переводу его стихов известных русских поэтов России и Казахстана».

Олжас Сулейменов, 2007 год

«Я воспринимаю поэта Нурлана Оразалина, как одного из немногих поэтов в казахской поэзии. Он в своих стихах на все жизненные явления смотрит вне злобы и гнева. Гнев – враг разума. Он на бытие самой жизни смотрит с высоты нравственности и здравомыслия».

Фариза Онгарсынова, 1988 год

ЛИРИКА

Судьбу, как Небо, почитая...

Нурлан Оразалин

* * *

Я в сердце чувствую мятеж,
протест какой-то против щебета,
я в небе чувствую, хоть режь,
неуловимый клёкот лебедя.

А это просто голос твой –
я уловил его мелодию,
и в небе облик золотой
напоминает мне о родине...

Как повторить хотя бы раз
моё видение чудесное?
Скакун-звезда, в ночи светясь,
летит... О чём её известие?

Куда несётся звёздный конь?
Плеяды спят. Венера светится...
Алтай давно склонился в сон,
над Иртышом планеты вертятся...

Вот мой таинственный мятеж –
мои сердечные метания...
А ты мелодией надежд
мне вновь даруешь испытания!

* * *

Опустело сердце: улетела песня...
Не хватает воздуха, и на свете тесно:
вместе с песней этой, тихо пригорюнясь,
исчезает в прошлом пламенная юность...

С песней исчезают, Господи помилуй,
радостные тени молодости милой...
Сумерки чернеют – на глазах повязка,
только горы снежные
светятся, как сказка.

В январе морозно, –
просвистит ли полоз,
из степи заснеженной раздаётся голос,
и, неуловима, некой тайной вестью
из ночного дыма ускользает песня...

Ну, куда, несносная, от меня стремится,
под луной выпархивая,
как ночная птица?
Не река ли плещет? Или глас небесный?
Песня лебединая в этой жизни пресной!

Я застыл как камень: грудь моя не дышит,
и душа уставшая ничего не слышит...
Я зову беглянку под скалой отвесной –
эхом возвращается то, что было песней.

* * *

Я гончая из рода птиц...
Махамбет

Судьбу, как Небо, почитая,
я вновь покоя не найду,
И кто-то, ночью пролетая,
сулит мне радость и беду.

Мерцают ночи в высях снежных,
и звёзды падают с высот...
А кто ко мне – из самых нежных
гонцов – спасение несёт?

Сжимает горло зов стихии,
тоска крадётся неспроста...
Не табуны ли кочевые
в святые тянутся места?

Несутся неземные звуки
над Алатау в небосклон,
и музыка стремится в руки, –
но это только чудный сон!..

Мне непонятна эта тайна:
что происходит? почему?
Товарищ стал врагом случайно?
И сам себя я не пойму...

Мне нет покоя. Сердцу больно:
эпохой жизнь обожжена...
Зачем бессонница невольно
меня терзает криком ворона
и жизнь страданием полна?

Наперекор эпохе

Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!
Александр Блок

Ты доверился людям, наивный глупец,
и за это сполна получил наконец:
за доверчивость юную песни своей
ты печальную чашу с цикутой испей...

Опрокинь эту чашу, но только тайком,
чтоб вода не плеснула
крутым кипятком...
Вечно ложь и коварство
стоят при дверях –
настроениям века нельзя доверять.

Ты был предан вчера,
безоглядный фантаст,
друг неверный тебя и сегодня предаст...
Потому что на свете грызётся базар –
и товаром становятся честь и азарт!..

А назавтра опять проиграют глупцы,
правят миром прагматики и подлецы.
О себе позаботься, бедняга-поэт,
береги свою жизнь от лжецов и газет...

Верь, что скоро минует
метельный маршрут,
снова птицы с ветвей о весне запоют.
Но ты знаешь, что мир
не изменит себе
а раз так – не забудь свой с судьбой
разговор:
верен будь до предела
тревожной судьбе,
верь в прохладу и трепет отеческих гор.

* * *

Холодный ветер Желтоксана,
душа – как ночь, в ней плачет совесть...
О, жизнь моя, сплошная рана,
моя мучительная повесть.
Зачем-то грудь моя стеснилась?
Снисходит с неба голос чести...
Послушай, сердце, сделай милость,
смягчись немного и воскресни!
Ты друга узнаёшь по речи,
в глазах врага – туман обмана...
Такие дни! Такие встречи!
О, жизнь моя – сплошная рана.
Спокойствия и примиренья
не знает Желтоксана ветер,
и снова одинокий вечер,
и вновь терзание творенья...
Мои победы и пороки.
Обетованные пустыни.
И непутёвые пророки,
и путь, неведомый поныне...

* * *

Когда покоя нет, когда соврёт домбра,
от дома вдалеке я слов не понимаю,
тем более тогда – в стремлении добра! –
опять тянусь душой к великому Абаю.

Бессовестная жизнь в униженной степи,
где души продают и не стремятся к раю,
где сам себе шепчу: «Смиряйся и терпи,
чтоб сердце обратить
к великому Абаю...»

Лекарства не найду
от мелкоты людской.
Охваченный огнём, я тихо угасаю...
Смотрю на земляков
с надеждой и тоской
и словно бы живу страданьями Абая.

Вселенная вокруг... Её прекрасна речь,
которую, увы, нечасто понимаю...
Но чтоб навек любовь от гибели сберечь,
я тороплюсь в ночи к великому Абаю.

Как много ненависти на моей Земле,
я жадности и зла душой не принимаю,
я примиряю всех, кто заплутал во мгле,
О Боже, как мне стать похожим на Абая.

Когда соврёт домбра
оборванной струной,
и, бедолага, вдруг от боли зарыдаю,
так хочется быстрей
попасть к себе домой:
вернуться навсегда к великому Абаю.

* * *

Моя заветная мечта –
скакун, стреноженный петлёю...
Храпит в степи – и неспроста
копытом бьёт и жаждет боя!
Он так метался под зарёй,
но вот смирился одиноко...
Я тоже бился головой
о камни атомной эпохи.
Звучал спасительный кобыз,
поэту душу сотрясая,
а голос неба падал вниз,
как бы дождя стена косая.
Се – век, и он неумолим,
он заставлял метаться горы!
Зачем же я сразился с ним,
вступая в сумрачные споры?
Мой голос в зябком ноябре
в густом тумане потерялся...
И неужели я расстался
с высокой правдой на заре?
Храпит скакун моей мечты...
Куда несётся всадник вещий?
Среди безмерности зловещей
слова бессмертны и чисты.

* * *

Голос старинный волнует меня:
Кто ты? Зачем ты живёшь в этом мире?
И для чего ты играешь на лире
с сердцем, заполненным пляской огня?..

Что за мелодия рвётся в ушах
звоном, которого нету чудесней...
Словно бы всадник несётся во мрак,
я устремляюсь за собственной песней...

Мучаюсь, каюсь, страдаю, казнюсь...
Мне не хватает бесстрашной отваги:
я на слова беззащитные злюсь,
чтоб отыграться на белой бумаге!

Так же, как вы, я земной человек:
мил – для одних, а другим – ненавистен...
Только в груди моей пепел, как снег:
жизнь моя – жар отгорающих истин...

Жизнь моя – призрак, горящая ночь.
Чую мелодии сладость и горесть...
То вдохновенье уносится прочь,
и не смолкает мучительный голос.

* * *

Я разрываю сумрак дум,
Которые, как ночь в окне...
Прости мне, Боже, что угрюм:
сгораю в собственном огне.

Горю в огне моей тоски
и догораю наяву...
Забыв про давние грехи,
я верю в майскую траву!

Когда серебряно звучит
лесами милый Наурыз,
я музыку готов учить
и возвращаться, как Улисс,

в прекрасный мир родных озёр
всем горестям наперерез...
Я буду жив лекарством зорь,
бальзамом творческих небес!

ФЁДОР ЕВГЕНЬЕВ

* * *

Что творится со мною? – и сам не пойму.
Я порой удивляюсь себе самому...
Сердце, словно кобыз,
отзывается вдруг
и слова повторяют нечаянный звук...

Что творится тогда
с удивлённым лицом,
сердце тянется к звуку
весенним листом...
Это сила земли наполняет меня –
и в душе моей буря страстей и огня!

Вот в душе моей веет
ночной листопад,
и метели несутся на крыльях косых,

а из космоса предки
бессмертно глядят
на печальные будни потомков своих...

Лето зеленью дышит, а осень – дождём,
так эпохи проходят, взирая со звёзд,
и всё больше печалями полнится дом,
и на крыльях моих оплавляется воск.

Ох, кручина-печаль,
под покровом ночей
это предки мои с нас не сводят очей,
посылают мне знаки с далёких небес,
прозу жизни пытаясь измерить на вес.

Перевёл Сергей Мнацаканян

* * *

Храни меня, Создатель,
От зависти и порчи,
Капризов и апатий
И от пороков прочих,
Слепой, ничтожной мести,
Обманов и соблазнов,
Ползучей липкой лести,
И от речей заглазных,
Гордыни непомерной,
Слепой бездумной страсти,
От гневных слов и скверных,
И от лихой напасти.
Не дай в тоске оглохнуть
От горестных страданий.
Не дай душе иссохнуть
В бесплодных ожиданьях.
Храни меня, о Боже...
Мне никуда не деться!
И мой удел, похоже, –
Жить на разрыве сердца!

Перевёл Кайрат Бакбергенов

От переводчиков. От души поздравляем нашего друга, прекрасного казахского поэта Нурлана Оразалина с 70-летием! Желаем ему вечного вдохновения и новых поэтических открытий.

ФОТОШИП

На волне повального увлечения мира спиннерами (механический гаджет-антистрессант) появились их виртуальные аналоги, которые можно скачать в смартфон.

До чего дошёл прогресс:
Вам смартфон снимает стресс!
Жаль, прожить нам стрессов без
Всё равно не даст прогресс.

Аристарх Зоилов-II

ГОД НАПРОЛЁТ

Время жениться

Люблю весну! Полёты птичьих стай,
И то, как просыпается природа...
Для БРАКА лучший месяц – это май.
Все остальные –
лучше для РАЗВОДА.

Август

Дольше стали ночи до рассвета,
Птицы в путь готовятся опять.
Эй, остановите срочно лето –
Я не успеваю отдыхать!

23 февраля и 8 Марта

Имеются два новых варианта
Названий дат, что следуют подряд:
Февральский праздник –
«День Дезодоранта»,
А в марте –
«Месть за тот Дезодорант».

Андрей Ситнянский

РАЗГОВОРЧИКИ

***
– Девушка, 90-60-90 – это ваша фигура?
– Нет, это мои пульс и давление.
***
– Простите, куда я попал?
– Вы попали туда, куда лучше не попадать.
***
– Мы пойдём иным путём!
– А вот иным я бы не советовал ходить этим путём.
***
– Время – вперёд!
– Ну уж нет, вперёд – деньги.
***
– Приведите примеры мужского, женского и среднего рода.
– Иванов, Иванова, Иванченко.
***
– Деньги не пахнут...
– А здесь ими никогда и не пахло.
***
– Почему взяточник не понёс никакого наказания?!
– Потому что он отнёс уже кому надо.
***
«Надо, надо, надо нам, ребята!..»
«Не надо, не надо, не надо, друзья!..»

Леонид Соколов,
Уфа

ИСТОРИЯ ИЗ ИНТЕРНЕТА

За чужие грехи

Возвращаюсь с работы. На одной из припаркованных во дворе машин размашистая надпись краской из баллончика: «Сыну три года. Где алименты, скотина!»

М-да, думаю, вот попал мужик...

Утром выхожу из подъезда – на том же авто чуть ниже этой надписи другая: «Извините, ошиблась номером».

КОНТОРА ПИШЕТ

Резюме

соискателя должности офисного клининг-менеджера (уборщицы)

Образование: народные университеты.

Опыт работы: многолетний, базовый; управление грязепылевыми потоками в различных как коммерческих, так и государственных структурах.

Профессиональные навыки:

– доскональное знание состава и свойств всей имеющейся в открытой продаже линейки моюще-чистяще-дезинфицирующих средств как последнего поколения, так и всех предыдущих;

– уверенное владение уборочно-помывочным инструментарием;

– умение протиснуться в пространство между столами менее 15 см шириной, не задев перепутанные кабели под ногами и не сбив со столов ни один предмет;

– стремление к неуклонному росту своего профессионального уровня; постоянное нахождение в курсе новейших сантехнических разработок.

Круг решаемых задач:

– уборка подведомственной территории в должные, специально оговорённые сроки и в полном объёме, в соответствии с требованиями по обеспечению работы офиса в режиме «нон-стоп»;

– поддержание вверенной оргтехники, коммуникационного оборудования и офисно-бытовых приборов (нагреватели, кулеры, кофеварки, электрочайники, СВЧ и т.д.) в санированном состоянии;

– своевременное периодическое ручное изъятие и последующая утилизация во избежание захламления утратившей свою актуальность документации.

Дополнительная информация: владею правами категории «Да хоть с закрытыми глазами!» на вождение пылесоса и полотёра, имею опыт успешной работы на территориально разнесённых объектах фирмы и дочерних организациях.

Преимущества перед другими соискателями на данную вакансию: потомственная уборщица в пятом поколении, вследствие чего организм приобрёл врождённо-генетические особенности, как то:

– физическая выносливость (отсутствие предрасположенности к развитию сколиоза, артрита и радикулита);

– стрессоустойчивость (не вводит в ступор вид мужского туалета в конце рабочего дня);

– точно не буду манкировать своими обязанностями, дебатировать, дискутировать и диспутировать с руководством ввиду полного непонимания значения этих глаголов.

Психологические качества: аналитический склад ума, способность к прогнозированию, креативность, мобильность, коммуникабельность, виртуозное владение в случае необходимости русским матерным.

Резюме помогла составить
Елена Евстигнеева

Лена, мы в курсе, что начиная с сегодняшнего дня ты – «ягодка опять». «Клуб ДС» поздравляет тебя со столь важной в жизни каждой женщины датой. Желаем тебе и дальше цвести и пахнуть, а твоему чувству юмора мужать и крепнуть. Обн. и цел.
Администрация

ИГРАЕМ СЛОВАМИ

Иномарки и отечественные авто на службе у родной словесности

«AUDI» ты в баню!
Барыня! Барыня! Барыня-«SUBARU»ня...
Не оставить «CAMRY» на «CAMRY».
Когда рак на горе «SWIFT»нет.
Кто не успел, тот «OPEL»сдал.
После «DODGE»ичка в четверг.
Не одна я в «POLO» кувыркалась...
Сколько «VOLVO» ни корми – всё равно в лес смотрит.
С«PEUGEOT» предание – да верится с трудом.
Кушайте «MAZDA»ровье.
Сегодня он на «HONDA JAZZ», а завтра родину продаст.
«GEELY»-были старик со старухой.
Я «ВАЗ» любил, любовь ещё быть может...
Где-то плачет и«ВОЛГА», схоронясь в дупло...
А значит, нам нужна одна «ПОБЕДА». Одна на всех...
Носятся белые «ЧАЙКИ». Что так встревожило их?..
Хмуриться не надо, «ЛАДА»...
Ну, что сказать вам, «МОСКВИЧИ», на прощанье?..

Анатолий Харлампов,
Салехард–Тюмень

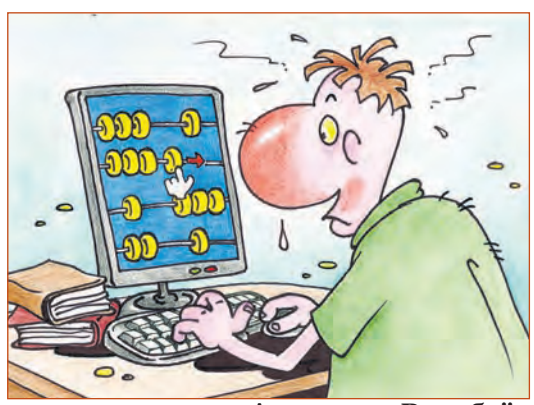
ОСЛЫШКИ И ОГОВОРКИ

Вампирметр
Врачеватель Эскалоп
Гад-переводчик
Дебильные вещества
Духовный пластырь
Еда в пьяном виде
Куртизанский отряд
Мразота пасёт мир
Неотправленное письмо
Пустая кара
Сквозь клизму времени
Товароед
Тяжёлое гетство
Экстра-дикция

Марина Палта

ЭПОХА ХАЙ-ТЕК

Валерий Тарасенко



Александр Воробьёв

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АФОРИЗМОВ

ПЕРСОНА ГРАТА

- Стриптиз помогает девушкам неплохо одеваться.
- На фронтах любви женщины всегда на передовой.
- Друзья познаются в беде, подруги – в радости.
- Если нет головы, легче свернуть шею.
- Букет болезней не увядает.

Тамара Клейман,
Москва

- Все средства хороши, если они принадлежат вам.
- Талант не пропьёшь: он погибнет раньше.
- Гражданский брак – любовь с неопределённым испытательным сроком.
- С годами на смену здоровью приходит опыт.
- Не теряй достоинства – не найдёшь.

Сергей Пугачёв,
Санкт-Петербург

БРАТ ТАЛАНТА

- У одиночества одно неоспоримое преимущество – тебя никто не покидает.

Татьяна Айвазова,
Москва

- Время решает – кто прав, эпоха – кто виноват.

Юрий Базылев,
Запорожье, Украина

- Чтобы отношения не трещали по швам, нужно чаще вместе отрываться!

Александр Гудков,
Смоленск

- Давая согласие на долгую совместную жизнь, не укороти собственную.

Ирина Жаркова,
Санкт-Петербург

- Жизнь диктует грамотно, ошибки делаем мы.

Александр Минченков,
Москва

ЗавКЛАФом Николай КАЗАКОВ / kazakov-aforizm@mail.ru

ПАРАДОКСОВ ДРУГ

О гениях

Гении – лихой народец,
Рот не стоит разевать.
Каждый гений – полководец,
Хочет нас завоевать.
Насылают краски, звуки
На людей простых, как мы,
Или с помощью науки
Лезут в бедные умы.
Мысли, танцы, рифмы, числа –
Всё они пускают в ход
Ради одного лишь смысла –
Чтоб завлечь нас в свой приход,
Чтоб во времени продлиться,
Чтобы в чьей-то голове
После смерти поселиться
И размножиться в молве.
Лучше нет для них награды,
Чем бессмертной славы дым.
Дурят нас, а мы и рады
Ставить памятники им.

Покорись без возражений,
Будь послушнее слуги;
Чем дурак – пусть лучше гений
Компостирует мозги.

Александр Петрович-Сыров

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕЗЕРВ

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 №68-рп и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодёжи»

СОБЫТИЕ

Артисты разыграли прозаический отрывок финалиста фестиваля «Русские рифмы-2016». Также выступили молодые поэты

У нас страна слов

На Красной площади дали старт фестивалю „Русские рифмы“

4 июня на книжном фестивале «Красная площадь» объявили о начале регистрации на Всероссийский литературный фестиваль «Русские рифмы», который предоставляет уникальную возможность молодым людям раскрыть писательский талант и продемонстрировать его широкой аудитории.

«Русские рифмы» по-настоящему согрели «Красную площадь»: главными гостями мероприятия стали известный поэт Владимир Вишневский, шеф-редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, а также финалисты фестиваля «Русские рифмы-2016». Многие из них не только презентовали фестиваль, но и порадовали публику яркими рифмами и искренними словами, прочитав несколько своих работ.

«Россия – страна слов. Слово здесь всегда будет значить очень много. На русском можно выразить всё, что угодно, – любой нюанс. Поэтому великая удача – писать на этом языке», – признался Владимир Вишневский в самом начале.

Начинающим талантам он дал дельный совет: «Когда появится ясное чувство, что у вас есть контент, есть, условно говоря, 21 стихотворение, за которые вы отвечаете и готовы вынести на суд – найдите силы и возможность издать книгу». Владимир Вишневский абсолютно уверен, что это творческий сдвиг и важный шаг, приближающий писателя ко второй публикации. Потрогать шершавый переплёт и тоненькие странички собственной книги – несравнимое ни с чем чувство для поэта или прозаика.

По его словам, сегодня у людей есть прекрасная возможность не писать в стол, благодаря интернету всё становится достоянием публичного пространства. Он подчеркнул, что конкурсы «Русские рифмы», «Русское слово» – толчок для самосовершенствования, прекрасный шанс выразить себя, а главное, право попробовать – твоё это или нет.

С поэтом согласился Максим Замшев, рассказывая про зародившуюся ещё на Всероссийском молодёжном образовательном форуме «Таврида» идею проведения этого фестиваля. «Пока есть «Русские рифмы» и столько молодых поэтов, я спокоен. Понимаешь, что мы всё-таки не превратимся в страну брокеров и эффективных менеджеров. И скорее менеджеры превратятся в поэтов, чем поэты в менеджеров», – отметил он. Призвал больше читать друг друга и «погружаться в бесконечный океан русской поэзии».

Победитель ряда проектов Всероссийского молодёжного образовательного форума «Таврида» и участник прошлогоднего конкурса для молодых писателей Владимир Карпук призвал всех включиться в фестиваль, объявляя официальное открытие регистрации на него. Он рассказал подробнее о мероприятии и участниках, презентовал сборники «Русские рифмы. Поэзия» и «Русское слово. Проза», чей яркий переплёт ещё хрустит при раскрытии, а страницы пахнут типографской краской. В эти томики по традиции вошли лучшие произведения финалистов.

В финале аудиторию ждало интересное представление: сценка от талантливых артистов мастерской Лины Арифулиной по прозаическому отрывку финалиста «Русские рифмы-2016», а также выступления молодых поэтов.

В этом году планируется грандиозный финал, где встретятся не только участники конкурсов «Русские рифмы» и «Русское слово», но и лучшие представители конкурса «Русские рифмы. Дети». **Подробнее об этом на стр. 7**

По материалам Роспатриотцентра

ФЁДОР ЕВГЕНЬЕВ

Поэт Владимир Вишневский выступает перед начинающими талантами

ШИРОКА СТРАНА СЛОВЕСНАЯ

Слагает молодость стихи…

Несколько мыслей о будущем писательского Тамбова

Когда среди множества лиц – печальных, весёлых, равнодушных – встречается юное одухотворённое лицо, на душе становится легче. Человек с таким лицом не ударит собаку или кошку, не сломает дерево, не пройдёт равнодушно мимо чужой беды. А если в нём есть ещё и поэтический дар, то каждое мгновение, тронувшее юную душу, воплотится в стихах.

«Людей хороших больше, чем плохих…» – это убеждение крепнет, несмотря ни на что. Зайдите в любую молодёжную аудиторию, и вы увидите прекрасные лица юношей и девушек, среди которых есть настоящие творцы. Я счастлива, что за многие годы литературной деятельности встречала и встречаю одарённую молодёжь, способную не разрушать, а творить и созидать.

И в наши дни поэты пишут стихи, в которых отражаются все сложности и проблемы времени.

Шестнадцатилетняя Елена Владимирова (сейчас она уже профессиональный поэт и прозаик) смогла написать строки, не только отражающие внутренний мир девушки, но и заставляющие читателей поразмышлять о жизни вообще:

Прививка к жизни – как змеи укус.
Я отравилась недоверья ядом.
Боюсь, что никогда не научусь
Глаза в глаза смотреть
открытым взглядом.

Фестиваль «Поэзия в лицах» – знаковое событие для Тамбова

Не перечесть строк, написанных юными стихотворцами о родном городе, о Тамбовском крае, который для них, как и для всех нас, – часть России. Неслучайно ведь говорят, что любовь к большой Отчизне начинается с любви к малой родине. У молодёжи, безусловно, присутствует духовно-нравственное начало, воспитанное самой историей, примером старших и, конечно, книгой. Именно из книг узнают молодые об истории своего края, о России и о её великих людях!..

Несколько лет назад в творческих конкурсах, объявленных в связи с юбилеем Великой Победы, юные стихотворцы приняли самое активное участие. В областном конкурсе первое место за цикл стихотворений, посвящённых Великой Отечественной войне, было присуждено Марии Знобищевой. А в интернет-конкурсе и в конкурсе, проводимом Тамбовским отделением Всероссийского общества любителей книги, призовые места получили семь участников литературно-творческого объединения «Тропинка» Тамбовской областной детской библиотеки, где занимаются на сегодняшний день более тридцати молодых поэтов. Стихи Никиты Кабисова и Александры Николаевой были опубликованы в «Литературной газете». Им было тогда по 17 лет.

Способность и желание откликаться на все события, происходящие в родном крае, в России, в мире, свойственны молодым. Сколько написано стихов о событиях в Беслане, о подводной лодке «Курск», о молодых ребятах, погибших в горячих точках!

Услышьте тех, кто не успел родиться,
Чьи матери погибли на войне.
Статистика считает только лица
Отдавших жизнь за счастье на земле.

Услышьте тех, кто не успел родиться,
Их матери не встретили отцов.
На белый свет им не дано явиться:
Война убила их родителей-юнцов.

Автору этих строк, Ирине Серовой, было всего тринадцать лет.

Ольга Штыркина в восемнадцать лет написала стихотворение «Осенний призыв», в котором передала состояние природы и состояние лирической героини от вида уходивших в армию юношей:

Листья, будто феи,
Закружились в танце.
Мимо прошагали
Маршем новобранцы.

Голые деревья,
Прячась друг за друга,
Ветками прикрылись,
Словно от испуга.

И дышать мне трудно
От осенней пыли…
Мальчики-солдаты
В памяти застыли.

Молодые пишут о блокадном Ленинграде, о Сталинградской битве, о Прохоровском поле, о Великой Победе и в конечном счёте – о великой России. Какое же надо испытать чувство сопричастности ко всему, чем жила и живёт Родина, чтобы написать вот такие строки:

Всё пройдёт. Останется Россия –
Чистая, свободная, – без нас, –
Пустынью, лампадой негасимой, –
Той, которую никто не спас.

Порицали, отвергали, уезжали,
Но забыть в итоге не смогли
Край святой любви, святой печали,
Плачущее сердце всей земли.

Это написала 17-летняя Ольга Кулькова, которая к настоящему времени окончила Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, аспирантуру, стала кандидатом исторических наук.

А Мария Знобищева (теперь уже член Союза писателей России) рассказывает в стихах о том, как, проходя мимо сквера, где стоит памятник Зое Космодемьянской, каждый раз останавливается перед вечно юной героиней, и кажется ей, что Зоя улыбается, глядя с высоты постамента на красивый сквер: «Не погибла, смотрите, и даже / Улыбается юная нам…» И совсем по-взрослому задаёт молодая поэтесса вопрос: зачем стоит на одной из улиц Тамбова «огромный танк, как память о войне?» И сама же отвечает:

Затем под гладью неба голубого
В вечернем полумраке тишины
Стоит наш танк,
что фронту дан Тамбовом,
Чтоб вечно помнить:
мы сильней войны!

Когда читаешь такие строки молодых, как: «Помилуй, Господи, скорбящую Россию, / Истерзанную, но душою – сильную» (Ольга Штыркина); «Но дышит сердце болью о Беслане. / О, Господи, что завтра будет с нами?» (Елена Захарова); «Я родился в великой России, / И в России я буду жить» (Олег Григоров); «Русь моя – жизнь моя, в сердце бездонном / Только любовь к тебе будет законом» (Анна Клещ) и многие, многие другие, – с волнением и гордостью думаешь: «Если у нас есть такая молодёжь – значит, Россия не пропадёт…»

Среди молодых поэтов есть девушки, приехавшие учиться в Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина из Китайской Народной Республики. Началось знакомство с китайской поэзией. И юные авторы «заразились» переводами! Студентки Лю Чинхуа и Ли Линань читали на занятиях стихи своих классиков и современников. Читали на родном языке, делали подстрочник. А русские студенты давали уже перевод поэтический. Вот несколько примеров:

Жаркий полдень
(подстрочник)
В полдень, без ветра и тучи,
Крестьяне много работают в поле,
Они обливаются потом.
А солнце палит беспощадно

И не даёт прорастать зерну.
Воды нигде нет,
И весь тяжкий труд
Может пропасть…

Много пота с лиц крестьян
Падает на землю.
В каждой капле – влага.
Она поможет прорасти зерну.

Ли Кун

Полдневный зной
Жаркий полдень. Ни ветра, ни тучи,
Зноем дышит сухая земля.
Но крестьян жизнь жестокая учит
Даже в зной выходить на поля.

Беспощадное солнце сжигает,
От палящих лучей не уйти.
Всё живое от зноя страдает:
Нет дождя – и зерну не расти.

Испарилась вода из колодца…
Неужели весь труд пропадёт?
Пот на землю по капле прольётся,
И от влаги зерно прорастёт.

Перевод Маргариты Шитиковой

Этих и других китайских авторов переводили также молодые тамбовские поэты Оксана Волкова, Ирина Серова, Анастасия Челюбеева…

В последние годы изданы собственные сборники стихов Екатерины Берновской и Ольги Штыркиной (обе уже учились в МГУ имени М.В. Ломоносова), Елены Луканкиной, Марии Знобищевой, Татьяны Маликовой, Елены Захаровой, Татьяны Мещеряковой, Александры Николаевой, Романа Багрецова, Елены Яцковой, а также несколько коллективных сборников, куда вошли стихи почти трёх десятков одарённых юношей и девушек: «Люблю тебя, Тамбов!», «Увидеть мир по-новому…», «…И хочется в полёт».

Молодые тамбовские поэты активно печатаются в журнале «Наш современник».

Может возникнуть вопрос: куда пойти молодому человеку, чтобы пообщаться со сверстниками, поделиться своими творениями, прослушать других авторов и в конце концов поучиться профессионализму? Помимо упомянутого литературного объединения «Тропинка» в Тамбове при университетах, библиотеках, при писательской организации работают клубы, студии, где постоянно звучит поэтическое слово. Надо его только услышать.

В очередной раз услышали слово молодых поэтов на их выступлении, состоявшемся в конце мая 2017 года в Доме творческих работников. Это был своеобразный отчёт литературно одарённой молодёжи перед читателями, и посвящён он был 80-летию образования Тамбовской области.

Валентина Дорожкина,
член Союза писателей России,
Тамбов

ЛАД

Оборачиваясь памятью вспять

Анна Мартынчик

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Родилась в Минске. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат международного конкурса имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами» в номинации «Дебют»-2015.
Лауреат республиканского конкурса «Таланты Беларусі» в области литературы 2016 года.
Организатор фестивального движения «Осиянная Русь» в Беларуси.
Автор сценария постановок Театра поэзии в Минске, Несвижском замке и в Москве.
Автор идеи Международного фестиваля духовной славянской словесности «ОСАННА»-2017.
На данный момент проживает и работает в Минске.

Время невозврата

Веранда. Стынет в вёдрах молоко,
А вдоль стены: лопата, грабли, вилы...
В сыром углу под самым потолком
Колышется орнамент паутинный.

Цветное поле видится вдали,
И этим полем даль давно брюхата...
Там лошадь головою до земли
Склонилась...
будто в чём-то виновата...

Отрадно в полдень, лежа на спине,
Дремать...
под решетом просветов узких
И наблюдать с собой наедине,
Как мельтешит над полем
«кукурузник».

Так повелось до сих счастливых пор,
Что на раскосой лавочке соседа
Намёком на возможный разговор
Всегда черствеет край ржаного хлеба...

Придворный ветер крутит пируэт –
Предвестник миротворного заката...
И тёплый свет... эфирный... тихий свет
Не пропускает время невозврата...

Всё обличается

Хутор... Ни зги...
луна хрусталём на сколе...
Всё в единении около и кругом...
Сопоставляя вечное и мирское,
Вижу истоки первого во втором...

Как для ворот надёжная крепь –
засовы,
Сомкнутость губ –
защита от голытьбы...
Тщетно перечит ветру
дымок костровый,
Тщетно перечит случаю дым судьбы...

Листья на землю... милость? да нет–
излишки...
Так подаёт рука во искýп грехов!

Как во дворе лежат
про запас дровишки –
Так про запас наломано в жизни дров...

Белью пробилась в сумраке паутина...
Так в завитках проявится седина...
После мороза меньше горчит калина –
После несчастий меньше горчит вина
Темень в прозрачный свет
облечётся утром...
Близок рассвет... луна округлила скол...
Стыло... всё та же глушь...
и всё тот же хутор...
Вечное продолжает себя в мирском...

От уныния

С одного начинаясь истока,
Наперёд забегаем чутьём.
Только плод... что поспел прежде срока,
Не дозреет до лучших времён...

Отпускаются в реку веночки,
Так в историю пущены дни...
Но однажды меж суетным прочим
Встречной былью вернутся они...

Что хранить прозапасом под солнцем?
Сходит страсть и румяность ланит...
Сколько в теле души – изойдётся,
Как ты плоть не носи – изболит...

Чем насытиться, как разодеться?
Всё ж важнее в мирской маяте
Возлюбить символическим сердцем
Удивительность жизненных дел!

Откровенность в любви не постыдна,
Сокрушает упадочность чувств!
Так, здоровому духу обида,
Что ладоням терновника куст...

А несчастному много ли проку?
Поклубит да исчезнет, как тень...
Виноград, позабытый в испёку,
Иссыхает до самых костей...

Становятся старыми добрые времена...
Костры согревали!.. и...
будто цвели в улыбке!..
Огонь мастерски разукрашивал
угли в медь...
В прозрачности жара плыли
родные лики,
Пусть мельком, но верилось:
будет тепло и впредь!

* * *

В пригорстках из леса
носил землянику папка,
И сок послевкусием
долго во мне тонул...
В глаза вопрошала:
«А будет ли так же сладко?»
И зрела надежда на грани
отцовских скул...
Лелеяла мама... я улыбалась маме!
Щекою впадала в ладонь
и цвела от чувств!
Глаза закрывались...
мягче не будет длани?!
В висках трепыхал живительно
мамин пульс..

Нет... в детской наивности
мало пустой тревоги...
В глубинах наития чует дитя сполна:
Чем дальше по жизни –
тем более путь пологий,
Становятся старыми добрые времена...

Лёгкая на помин

Это не грусть – мольба:
И да продлится жизнь!
Не отлагая к новорождённым зависть,
Вас о любви прошу:
что ни слеза – Аминь!
То не конец времён, но уже не завязь..

В счёте своих гостей помните обо мне,
Располагая точным числом приборы!
С лёгкостью на помин
я появлюсь извне,
Чтобы вовлечься
в праздные разговоры...

Не гравируйте слов клятвенных о душе:
«Любим... Скорбим... Помним...»
и «Не оставим»!
Не предрекайте мне благо на рубеже
Инакожизни...
Что мне без вас?!. не с вами?!

Что без меня падёт, канет, сойдёт на нет?
Что не продолжит быть,
как бывало прежде,
Свитой в последний путь
не побредут во след
Верные и встречавшие по одежде...

И не желаю знать, как иссякает прыть,
Как благосклонно смертный
прощает смертность!
Мне ли о вечном мнить,
вам ли меня судить,
Коли слюбилось с жизнью,
с судьбой стерпелось!

Вся моя власть:
трепать пламешки свеч ночных,
Выдохом полошить
произвольность дымки...
Музыку исчерпав лишь до глубин своих,
Сдерживать указательным
ход пластинки...

Это не грусть – мольба:
И да продлится жизнь!
Не отлагая к новорождённым зависть,
Вас о любви прошу:
что ни слеза – Аминь!
То не конец времён, но уже не завязь.

К отцу

Вот и я... принимай отдушину!
Снисходительно... будто не ждал...
...Ты не знаешь... (оно и к лучшему),
Как давно я по нашим местам
Исходилась вокруг да около,
Крестным ходом, босою стопой,
Глазу памятно... сердцу дорого
Всё!..
в чертогах любви родовой!..
Мудренеешь... вихрами серенький,
Да и карие стали бледней...
Однокровные собеседники,
В откровениях душу излей!
Оправдайся... поверю на слово!
Повинись! Зарекись! Укори!
От глубинного и до праздного
Исповедай судьбу изнутри!

В тесной кухне горят конфорочки...
На столе чёрно-белый портрет...
И сквозит... из открытой форточки
Неозвученный наш тет-а-тет...

Пред собой

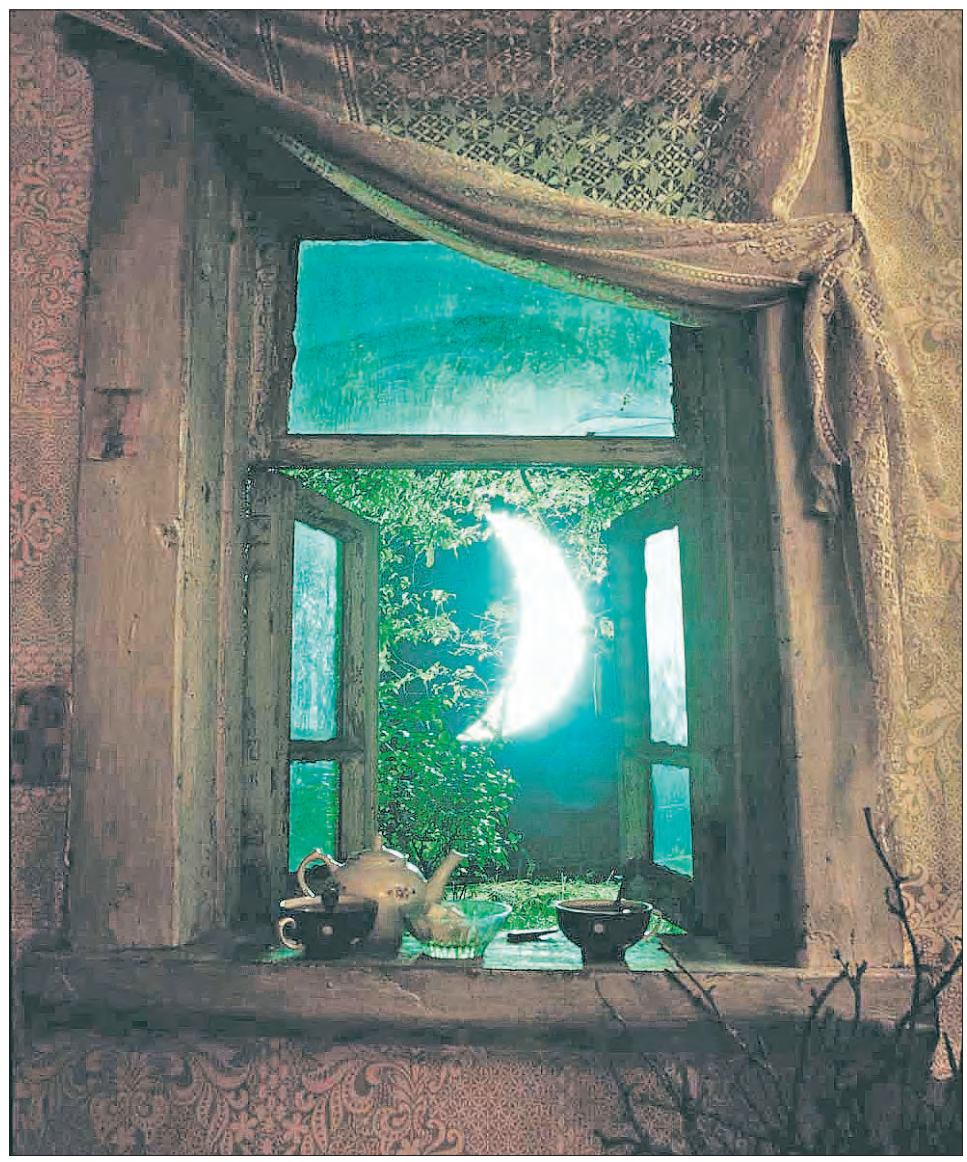
Пред собой бескомпромиссно честна,
Оборачиваясь памятью вспять:
Быстротечность... круговерть... суета
Ни прибавить ничего, ни отнять...

Я в погоне за ветрами скора,
Мне забота: чтобы всё про запас!
Лжебогатство во главенстве угла...
Только радости немного для глаз...

А за всё платить посильной ценой...
И в расчётах бытие мудрено:
Бьётся голубь головой о ладонь...
В благодарность за сухое зерно...

Как дожить до оловянных седин –
Так в беде не замечаю часов...
Как легка былая боль на вспомин –
Так недолго помню запах цветов...

Пред собой бескомпромиссно честна,
Оборачиваясь памятью вспять:
Величайшая, но всё ж – суета
Скоротечная, но все ж – благодать!..



ЛИЦЕЙ: ФИНАЛИСТЫ

Этой публикацией мы начинаем знакомить наших читателей с произведениями финалистов литературной премии «Лицей», инициированной компанией «Лотте». Цель премии – поддержать молодые таланты. Когда номер увидит свет, уже будут известны победители премии. Но мы считаем, что все финалисты достойны самого пристального внимания, и в ближайшее время нашим читателям представится возможность увидеть творческие лица тех, кто уже совсем скоро будет определять мейнстрим современной русской литературы.

Нормально всё

Отрывок из романа

Аида Павлова

В вагоне метро в шесть утра пахнет сладковатой блевотиной и хлоркой. На полу высохшие подтёки от разлитого накануне пива. Понедельник, в котором всё всегда не так. Понедельник вообще тяготеет к нигилизму: ничего не хочется делать, а хочется отрицать реальность, накрывшись тёплым одеялом, и спать, счастливо забыв про будильник. Но я прусь на репетицию к семи утра, впрочем, как обычно.

В трясущемся вагоне метро я гляжу на угрюмые лица таких же ранних пташек. Вот женщина с лицом измятой простыни. В её маленьких глазках застыла стальная ненависть ко всему, чтобы ни происходило вокруг неё. Вот мужчина с лицом Марса. Не бога войны, естественно. А планеты – такой же красный и в рытвинах. Он ест с невероятным для шести утра аппетитом сырную слойку, купленную тут же, в переходе метро, и от этого всеобъемлющего запаха мне хочется наблевать прямо ему под ноги. Сырная вонь проникает под мой пуховик, пробирается под него, чтобы уютно обосноваться в петлях шерстяного свитера. Несколько минут я фантазирую, как подхожу и одним точным движением руки загоняю остатки слойки в раскрытую пасть мужика, как он давится и хрипит, но никто не придёт ему на помощь. Как обычно, все пассажиры отведут глаза в сторону или притворятся спящими. Московское метро – царство равнодушных. В самом конце вагона едет ещё один мужчина, в чёрном бомбере и маленькой чёрной шапчонке, элегантно нахлобученной на самую макушку его головы неправильной формы. Мужчина играет на смартфоне в какую-то увлекательную игру, вроде пузырей или шариков. Скорее всего, это доблестный сотрудник ЧОПа отправляется на смену или едет с неё – без разницы. На его дебелом лице не проблескивает и тени эмоции. Я думаю: «Как же я всё это ненавижу». Думаю так, без конкретной привязки к поедателю сырных слоек или охраннику, или к даже замученной жизнью женщине. Это просто утро понедельника, это просто метро.

Со странным чувством самоистязания я вспоминаю почти полную бутылку джина, мирно стоящую в это самое время в ящике на моей кухне. И почему мне вечно не хватает духу налить себе за завтраком грамм сорок джина? Смешать его с тоником и выпить. Ну в самом деле, что будет от такого количества, пусть даже и выпитого в полшестого утра? Плохо точно не станет, а настроение поднимется. Я корю себя за нерешительность. Ах, как бы сейчас всё стало по-другому. Я смотрела бы на жизнь проще и веселее, и возможно, даже улыбнулась бы… ну нет, для улыбки в метро нужно выпить как минимум граммов сто пятьдесят. Резко я сама обрываю свои мысли: а если столько выпить за завтраком, то уже и на репетицию нет никакого смысла ехать. Захочется лечь на диван и придаться рефлексии по поводу всего сущего. Думать такие мысли вроде: существуют ли внеземные цивилизации, почему меня никто не любит и стоило ли тогда грубить дирижёру или можно было бы ответить вежливо, но холодно, с той лёгкой ноткой язвительного сарказма, когда человек понимает, что вы его унизили, но в силу своего воспитания и отсутствия очевидных улик в пользу хамства не в состоянии послать вас на … и вынужден жалко улыбнуться вам в ответ, в крайнем случае – развести руки в стороны и пожать плечами. Эх, будь моя воля я бы именно в таком расслабленном положении проводила все свои понедельники.

На репетицию я опаздываю на пять минут. Какие-то копейки, но о них мне обязательно напоминает администратор:

– Катюша, опаздываешь!

– Да катись ты к чёрту, – думаю я, – не могут уже три года снять нормальное помещение! Три года приходится вставать в пять утра, а тебе ещё полощут мозги за пятиминутное опоздание!

Моё раздражение нарастает. В администраторе – золотушном мужчине с длинным острым носом – мне не нравится решительно всё: его птичья походка, манера при разговоре смотреть чуть в бок, словно бы проверяя, вдруг кто-нибудь стоит за спиной собеседника. Сколько раз мне хотелось обернуться и посмотреть, куда же, чёрт подери, пялится он! А пялился он в никуда. Своими пустыми глазками-пуговками. Администратора за глаза в оркестре называют Цаплей – худой, задумчивый, длинноносый! Ну вылитая цапля. Он отвечает за размещение музыкантов на гастролях, и нередко мы оказываемся в таких клоповниках, где за тонкими бумажными стенами слышатся стоны проституток или монотонная речь дикторов ближневосточного телевидения.

Я киваю головой Цапле и пробегаю мимо него с деланным беспокойством по поводу своего опоздания.

Репетиция проходит нормально. Мы исполняем концерты Моцарта, заезженные, как «жигулёнок» вашего дедушки. Музыканты играют слаженно, но без огонька, без какой-либо фантазии и задора. Все друг от друга устали, но больше всего – от Моцарта и нашего дирижёра.

– Нормально, коллеги! – радостно выдаёт он (не Моцарт, конечно, а дирижёр).

Семьдесят человек грустно выдыхают. Три репетиции назад настроение у оркестра было совсем иное. Воздух сотрясали творческие споры, и мы все, в едином музыкальном порыве, боролись за свободу самовыражения в отдельно взятом коллективе. Наш дирижёр, Игорь Алексеевич, принёс на репетицию свой старенький ноутбук, кажется, фирмы Dell, открыл Youtube и запустил видео с концерта Королевского симфонического оркестра из города Лондона. Мы сидели с каменными лицами в ожидании финала. Я терялась в догадках: чего он от нас хочет? Показывает собственную интернет-грамотность, мол, смотрите, я ютуб нашёл, наконец, среди «Одноклассников» и «Яндекса»? Или это намёк, мол, ноутбук-то у меня ещё старый, звук вон какой херовый, даже концерт толком не звучит?

Оказалось, всё хуже. Игорь Алексеевич в свойственной ему безапелляционной манере резким свистящим голосом потребовал:

– Вот! Вот как мы должны исполнить эти концерты! Давайте не будем придумывать этой отсебятины, англичане играют его безупречно, а мы просто сыграем, как они, – потирая свои сморщенные бледные руки с вспученными синими венами, дирижёр забегал перед нами.

Оркестр зашевелился. Сперва заёрзали на своих стульях виолончелисты, потом закашлял кто-то из скрипок. Духовые откровенно рассмеялись. И, наконец, выступила я, поднявшись от рояля:

– Вы извините нас, Игорь Алексеевич, но, по-моему, это полная чушь.

– Катерина! Сколько раз я просил вас! – запричитал дирижёр.

–Да чушь же говорю! – я обернулась к оркестру, и коллеги ответили мне одобрительным гулом.

Начался спор. Мы не хотели быть подражателями. Мало того что этот Моцарт звучит каждые рождественские праздники из любого утюга в мало-мальски интеллигентной семье, мало того что каждый год какой-нибудь оркестр, начиная от крупных и именитых и заканчивая сельской самодеятельностью, вводит Моцарта в свой репертуар, – так от нас ещё требуют копировать? Подобное оскорбление мы были не в силах вынести. Спустя час словесных баталий, я в сердцах крикнула:

– Да вы, Игорь Алексеевич, просто идиот!

Все замерли.

– Тупой ограниченный идиот, – в полной тишине продолжила я с нескрываемым злорадством.

Конечно, потом пришлось извиняться, делать вид, что мне совестно, приплетать внезапный приступ синдрома Туррета, виниться, опустив глаза. Все эти «не знаю, что нашло», «на самом деле я так не думаю» и прочая ложь, которую обыкновенно уместно говорить в таких случаях. Меня простили, но из-за моей выходки оркестр теперь был вынужден пойти на поводу у Игоря Алексеевича. И вот уже четвёртую репетицию мы не играли, мы копировали исполнение Королевского симфонического оркестра.

«Да гори оно огнём, – думаю я после репетиции, – всё равно пора что-то менять, пора уходить из этого долбанного симфонического, искать что-то новое, а может вообще вплотную заняться преподаванием?» Мои мысли прерывает моя коллега и приятельница, скрипачка:

– Катя, у тебя всё нормально?

– Нормально, – киваю я в ответ.

– Выглядишь уставшей, – продолжает она. Как будто от её замечания я расцвету, как каштаны в месяце мае.

–Да, всё нормально, – пожимаю я плечами.

Маша, а так её зовут, переминается с ноги на ногу, у неё старомодные замшевые чёрные туфли на низком каблуке и в целом сиротский вид, – круглые очки в прозрачной оправе, дешёвенький шерстяной костюм, купленный по какому-нибудь значимому случаю (вроде конкурса Чайковского в Клину) лет семь назад. Выражение лица жалостливое, вроде как переживает за меня. В уголках глаз блестят слезинки:

– Катя, а у меня день рождения сегодня.

– Ну ничего себе! И ты молчала! – радуюсь я повороту разговора, – так, дорогая моя, это же надо отметить! Извини, я без подарка, не была предупреждена!

– Да какие подарки! – отмахивается Маша, – ты вечером приходи, мы посидим тихонько в «Жан-Жаке», отметим. Только свои люди, никого постороннего. Очень рада буду тебя видеть, – добавляет жалобным голосом она, будто просит милостыню на паперти.

«Вот ведь кикимора, – думаю я, – а так и не поймёшь, то ли себя ей жалко, то ли меня». Я запихиваю ноты в рюкзак, хватаю Машу под руку и быстро, чтобы она не успела опомниться, тащу её к выходу из консерватории:

– Вот что, Мария, новорождённая ты наша, вечер – это вечер, до него ещё дожить надо. А мы сейчас с тобой посидим, выпьем за здоровье, поговорим спокойно, по-женски, без всяких третьих лиц! – говорю я твёрдо и уверенно.

Ей ничего не остаётся, как кивать головой и почти бежать за мной. Мы выпрыгиваем на проснувшуюся Никитскую. Туда-сюда снуют люди. Студенты с тяжёлыми кофрами спешат в холодные аудитории постигать музыкальное ремесло, женщины в чёрных сапогах до колена стремительным шагом топают до пыльных офисов, мужчины в костюмах с кожаными портфелями в руках торопятся на встречи и совещания. А нам с Машкой некуда бежать. Мы уже отработали на сегодня. На часах десять утра, и я радостно говорю ей:

– Эх, Маш, а помнишь, у Бродского? «Страшная рожа труда»? Так, вот, моя дорогая ты именинница, это совершенно не про нас!

Спустя пять минут мы оказываемся в рюмочной. В зале кроме нас из посетителей только один мужчина в дымчатых очках и сером свитере с горлом. На его потном лице застыло выражение отчаянной русской печали. Всё ясно – похмельный. Перед ним стоит кружка с пивом, и поскольку у меня хорошее настроение, я отмечаю про себя, что кружка эта наполовину полная. Мы с Машкой становимся за столик подальше от мужика, и я интересуюсь:

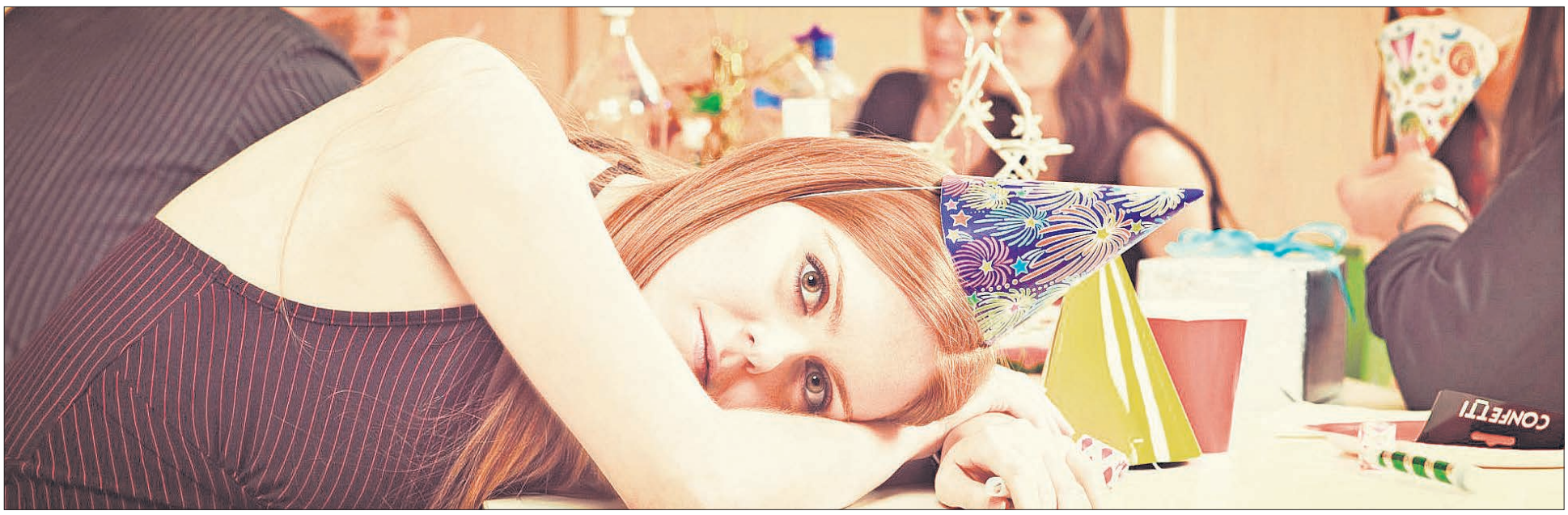
– Ну, что, по пятьдесят?

– Водки? – испуганно переспрашивает Маша. Она нервно оглядывается по сторонам, хотя уже бывала в этой рюмочной неоднократно. Правда, это всегда происходило вечерами, и я могу понять её тревогу.

– Ну не пива же! – смеюсь я, – сегодня день, когда всё можно, Машенька! Можно и водки бахнуть за твоё здоровье-то!

Маша в ужасе смотрит на меня, но потом, судорожно сглотнув, вдруг соглашается:

– Ну, давай…



Вот все они тихони такие, им только дай шанс себя показать, они любого королеса заткнут за пояс. Я радостно потираю руки и иду делать заказ. За стойкой стоит знакомая мне продавщица. Кажется, зовут её Людмила. Но я не уверена в этом и не рискую называть её по имени. Да и что это за господская привычка обращаться к персоналу заведений по имени? Я прихожу в состояние крайнего раздражения, когда слышу все эти: «Витюх, нам повторить», «Людочка, рассчитайте», «Андрей, кажется, вы забыли про наш заказ». Все эти Витюхи, Андреи и Людочки плевали в ваш суп, грязными пальцами трогали ваши котлеты и в целом относятся к вам, как к дерьму, и их отношение не изменится, даже несмотря на размер чаевых. Такова уж природа московских официантов. Потому что официант у нас – это профессия временная, пусть даже и условный Витюха трудится в этом кабаке последние семь лет, всё равно он чувствует себя не на своём месте. Он-то актёр! Или художник. Или дизайнер интерьеров. И ему, как дизайнеру интерьеров, очень обидно прислуживать за столом у кого-то офисного быдла, способного отвалить за ужин пять косарей и оставить на чай сто рублей. Вот он и старается, как может, испортить вам вечер. Когда понимаешь систему, проще становится жить. Без лишних реверансов, без притворства. Они презирают тебя, ты презираешь их. И условная Людочка сразу это почувствует, сразу поймёт, что ты знаешь, что у неё на уме и что творится в её душе художника-графика. Впрочем, в рюмочной продавщица давно оставила свои амбиции стать кем-то иным. Она мутным коровьим взглядом окидывает меня с головы до ног и слегка усмехается:

– Давненько не были, – хмыкает она.

И я не знаю, что ей ответить на это, ведь я действительно не помню, когда была в этой рюмочной в последний раз. У меня уже не такая хорошая память, как раньше, и всё чаще, напившись, я не могу вспомнить на утро события прошедшего вечера. Настороженно отвечаю:

– Возможно… А сделайте нам по пятьдесят и два томатных сока.

– Бутерброды будете? – продавщица тыкает перламутровым ногтем (ну почему у них всегда перламутровые ногти?) в витрину, где покоятся завёрнутые в пищевую плёнку серо-белые куски хлеба, обмазанные майонезом и покрытые кусочками пластикового сыра с жалкой веточкой укропа тёмно-зелёного цвета. Я содрогаюсь от одного вида этого яства и начинаю усиленно мотать головой, как цирковой пони.

Людмила, всё-таки ей подходит это имя, пожимает плечами и пробивает чек. Я расплачиваюсь, беру водку и стаканы с соками и возвращаюсь к Маше. Она уже теребит в руках свой потрескавшийся от времени дерматиновый кошелёчек:

– Сколько с меня? – тихонько интересуется Маша.

– Да ладно тебе, – добродушно отвечаю я, – я угощаю, всё-таки у тебя день рождения! Тем более вечером банкет за твой счёт, – добавляю я.

Маша кивает головой, мы чокаемся без лишних слов и опрокидываем рюмки. По горлу разносится привычная теплота, и я не тороплюсь запивать соком, наслаждаясь знакомыми приятными ощущениями. Настроение становится ещё лучше, и я притопываю ногой от охватившего меня внезапного приступа веселья. Маша же быстрее хватается за стакан с соком и тут же выпивает половину, заглушая весь водочный кайф. Ну что с неё взять? В рюмочной пахнет почти как в метро – хлоркой и перегаром, плюс ко всему я улавливаю удушливый запах цветочных духов Людмилы. От этого букета меня слегка мутит и хочется выйти на улицу – продышаться. Но я не рискую оставлять Машу одну, я понимаю, как ей должно быть некомфортно в десять утра пить водку, но при этом ей хочется приключений, и спугнуть её сейчас было бы преступной халатностью. Потом она будет ещё лет десять вспоминать это утро, как самое безумное утро в своей сиротской жизни. Мы начинаем говорить с Машей о прошедшей репетиции, о предстоящих концертах, о гастролях в Минске, куда наш оркестр отправляется сразу же после новогодних праздников. Разговор течёт плавно и спокойно, без неловких пауз и хмыканий. Маша, наконец, расслабляется, начинает задорно хихикать и вдруг предлагает:

– Ну, что, может, ещё?

Я с готовностью соглашаюсь:

– Давай, иди, возьми ещё по столько же.

Она смеётся и уходит за водкой. Я скучающим видом обвожу мрачные стены рюмочной, обитые коричневыми досками ДСП. Все эти пластмассовые цветы в дешёвых кашпо, почерневшие репродукции Шишкина и Куинджи, засаленные занавески на огромных окнах внезапно портят мне настрой. Хочется поскорее уйти отсюда, тем более я вспоминаю, что у меня сегодня в полдень занятие с ученицей, и я понимаю, что домой уже нет смысла ехать. Смысла вообще нет ни в чём – ни в этой жизни, ни в этом мире, ни в этом дне. Мысли одолевают мой слегка согретый водкой разум, но думать мне лень, и это спасает меня от навалившейся хандры. Хандрить – это тоже определённая душевная работа, погрузить себя в тоску и ненавидеть окружающую действительность – на это уходит слишком много сил, а мне ещё тащиться в Строгино. Не ближний свет, между прочим, от Никитской.

Маша возвращается с новой порцией водки. Она развеселилась, и на её серых щеках появляются бледно-розовые пятна подобия румянца. Мы чокаемся и выпиваем:

– За днюху! – чуть громче, чем нужно, говорю я, и привлекаю внимание похмельного мужика.

Он дожидается, пока мы поставим свои рюмки на столик, и подаёт голос, хриплый и низкий, как у простуженного пса:

– Девушки, а?

Маша хихикает, она стоит лицом к мужику, поэтому видит его, и видимо, это зрелище кажется ей забавным. Я не оборачиваюсь, все эти братания в заведениях подобного толка мне хорошо известны, и заканчиваются они всегда одинаково – безобразным скандалом.

– Девушки! Я, кажется, к вам обращаюсь! Ну!

– Маш, не реагируй, – шепчу я ей. Но Маша после ста грамм уже готова к приключениям, её душа жаждет общения, она продолжает глупо хихикать, и я её уже почти ненавижу.

–Что? – хихикая, говорит она то ли мне, то ли мужику, и ему становится достаточно этого тоненького мостика, чтобы со своей почти пустой кружкой переместиться к нам поближе.

Он занимает соседний от нас стол, не решаясь присоединиться к нам, так как спотыкается о мой суровый взгляд, полный презрения.

– Я тут подслушал, у кого-то из вас день рождения?

– У меня, – хихикает Маша.

– Поздравляю от всей души! – поднимает свою кружку мужик.

Он делает большой последний глоток, громко ставит кружку на стол и лезет в карман за бумажником. Я закатываю глаза: «Начинается». Маша ошибочно думает, что сейчас новый знакомый предложит угостить нас, но так она решает по присущей ей наивности и малоопытности. Подобные типы никогда не угощают дам, им себе-то на пиво еле удаётся наскрести, тем более после воскресной попойки. И точно. Из бумажника мужик достаёт помятую фотографию девочки – на вид лет шести – и сует её Маше под нос.

– У меня вот у дочки тоже недавно был день рождения. А я её лет пять не видел уже… – заводит он свою пластинку.

Я резко топаю ногой и говорю Маше:

– Ну, нам пора.

Надо отдать ей должное, соображает Маша хорошо. Она быстро собирается, накидывает пальтишко, мы киваем Людмиле и тут же выметаемся на улицу. Я успеваю услышать, как вслед нам кричит мужик:

– Ну и катитесь, шалавы!

Мы отходим на двести метров от рюмочной, и Маша начинает смеяться:

– Как мы от него смылись!

У неё запотевшие очки и тоненький истеричный смех. Мне всё это перестаёт быть интересным. Охватывает привычная нервозность, будто бы я нахожусь не на своём месте и хочется быстрее уже избавиться от Маши. Её скручивает смех:

– Ты слышала, что он нам крикнул? Ха-ха-ха!

Затем она переводит дух и добавляет:

– А хорошо же посидели?

– Нормально, – откликаюсь я, – так, Маш, ты езжай домой, поспи пару часиков, потом поешь и выпей чай. К вечеру придёшь в себя как раз.

Она расстроено смотрит на меня, и я с раздражением вновь вижу это жалостливое выражение её глаз:

– А ты уже домой?

– У меня ученица сегодня, – отвечаю я.

Жалость в её глазах сменяется испугом:

– Ты после всего этого поедешь учить детей?

Я пожимаю плечами:

– Маш, ну, во-первых, для меня сто грамм – это не твои сто грамм. А во-вторых, разве трезвой можно выносить этих детей?

Маша задумывается на несколько секунд, потом всё-таки соглашается со мной:

– Ну, вообще да, эти дети… Как только у тебя хватает терпения с ними возиться! Я отказалась ото всех учеников, просто больше не могу, не могу и всё…

Её опять начинает нести, хочется поговорить, поплакать даже, может быть. Я хорошо понимаю её состояние, только мне уже не до этого. Невесело. Неинтересно. Я слегка прикасаюсь щекой к её щеке на прощание:

– Ну, всё, Машка! С днём рождения ещё раз, мне пора бежать!

Она распахивает руки, словно бы хочет прижать меня к себе, но я уже уношусь в сторону метро, и только слышу, как она кричит мне в спину:

– Не забудь! Сегодня вечером я жду тебя в «Жан-Жаке»!

Не поворачиваясь, я машу ей рукой и спешу к ближайшей палатке. Мне нужно ещё купить мятную жвачку и пополнить карточку на проезд.

Лёгкий кураж от выпитой водки уже испарился. Я запихиваю в рот сразу пять подушечек «Орбита» и вхожу в стеклянные двери метрополитена. А там уже не так малолюдно, как утром. Сумки, бабки, разносчики пиццы и осетинских пирогов, мужчины в чёрном, женщины со смартфонами, студенты с рюкзаками, школьные классы на выезде… Встаю в уголочке и прислоняюсь к дверям с надписью: «Не прислоняться», включаю плеер, играет Morphine, глаза прячу в WhatsApp. Только бы не смотреть по сторонам. Проклятый понедельник!

ЛИЦЕЙ: ФИНАЛИСТЫ

Начало

Из сборника „Несчастливая Москва“

Евгения Некрасова

Гора

Галя-гора ходячая. На улице над людьми возвышалась, за людьми – расширялась. На улице вывески загораживала, двух мужиков перекрывала. Двух с половиной, если юноши. Красивая-некрасивая, кто поймёт. Не разглядишь. Ясно – большая. Гора из пейзажа, фон для главных.

У Гали подружка переднего плана – Света, для которой Галя – удобный задний. Женихов притянуть – самой засиять на фоне горы, женихов отогнать – себя выключить, с горой слиться или вовсе – за неё спрятаться. Женихи гор боятся. Хорошо дружить с горой.

Мама Гали – пила. Пила иногда и пилила дочь про замуж и прочее обязательное, на что горы совсем не способны. Галя-гора не жила с мамой, а ходила в комнату на Нагорной на ночь и в выходные. Вне комнаты Галя расставляла товары в гипермаркете, упиравшемся в горизонт. С её ростом-то и без лестницы ладно. Зачем горе лестница? Света Гале не льстила, ругала её за низкую работу, потому что сама без карьерной лестницы не могла.

Галя любила гипермаркет за постоянную жизнь, его широты и высоты. У метро надела на себя мороженую маршрутку, потряслись по кочкам, по пробкам. Милай, не погуби – это Вика из не-Москвы молит орла-водителя. Вика, Артём и Константин-Адреич ютятся в треугольничке, оставшемся вне горы. Мастеровые по полкам. Галя – уши красные – сняла шапку, голова держит ржавый потолок. Атланты в уборах не вмещаются.

По полкам по полкам
По закоулкам
Растащили мы наши радости,
По полу, по полу,
По половицам
Размазали мы наши надежды,
Проворонили наши желания,
Забыли,
кем должны были проснуться.

Зеркало

В комнате Галя обычно спала, ела спасённое с кухни, переодевалась и смотрела на себя в зеркало, снова ела. Был ноутбук, да украли полгода назад. Загадкой влезли через окно пятого. Все соседи в пострадавших, в молодой семье напротив Галиной комнаты – вскоре завелись деньги, а через пару месяцев – дети, сразу двойня. Жильцы думали-думали и надумали молчанье, друг с другом тоже теперь ни слова. Гале-горе слишком хлопотно, она и так раньше с соседями не говорила. Радовалась, что зеркало не тронули. О пяти стёклах, о пяти разных зеркал сколочено вместе – чтобы всей поместиться. В первом: ноги и дальше по пояс, во втором – живот и грудь, в третьем и четвёртом – боковых – руки-плечи, в пятом – всей горе голова. Красивая, некрасивая. Кто разберёт, кто оглядит. Горе бы – художник с налаженной перспективой, рассказал бы другим.

Если меня выжать,
То ничего не останется на полу,
Даже мокрого места.
Если меня разорвать,
То ничего не останется в руках,
Даже мятой одежды.
Потому что я – пустота в форме человека в форме горы,
По-крайней мере, так рассказывает зеркало.

Веселье

Галя-гора взята Светкой на вечеринку в Марьино в качестве фона. Марьино – но и Марья – край сегодня больших надежд. Светкин путь – выйти замуж до двадцати-девяти-господи-не-подведи. На Бога надейся, а Галя не плошает. Галя работала чётко, вокруг Светки контур и три потенциальных мужа. Уж почувствовала момент – женихи стали побаиваться горы, тогда попятилась, попятилась в угол, к еде. Пять раз врезалась в гостей: языками сцепленных барышень, танцующих-целующихся, танцующих-ссорившихся, о кино спорящих и новый телефон рассматривающих. Пять раз сказала извините, на пятый – телефон извернулся в руках у владельца-гаджета и слетел на пол. Пальцы тряслись, гладили шрам-трещину экрана. Рана на телефоне, рана на душе, до секунды назад был нов. Выл бы, если бы не все. Галя-гора доедала третью курицу вилкой. Светка определилась на развилке, обняла кандидата в танце, недостаточные женихи пришли жалеть треснутый экран. Его хозяин предложил основать трест против Гали-горы. Женихи огляделись – заняться нечем, объединились. Галя-гора объела куриную ногу, запила кислятиной и ушла в туалет. Наткнулась на кису, чуть не раздавила. Светка верёвочкой вилась вокруг избранника, куда ей.

Галю-гору схватили у двери, волоком на кухню, волчьей стаей обступили. Сейчас стол сломает! Поржали, раздели ниже пояса. Какие у гор расщелины-великаны! Галя-гора молчаливая, боится-не боится, не ясно. Завалили герои гору, руки связали. Герои гор не боятся. Мы все теперь повязаны победой над горой. Оравой постояли, поржали, посмотрели. Какие у гор расщелины-великаны! Разбиться-провалиться! Никто не рискнёт. Залились смехом и разошлись.

Потом сложились в машину: Светка с женихом, не-женихи, хозяин треснутого экрана, одни-бывшие-танцующие на коленях друг у друга и Галя-гора рядом с подругой молчаливой привычкой. Едут-едут, волчья стая перемигивается, Светка шутит-вертится ящерицей, Галя молчит между ней и дверцей. Едут-едут, Марьино лучше бы Марье оставалось, Москва ты – большая ледяная глыба.

Мама

Мама-мама,
Муж – армагеддон,
Благородный дон – один на район,
И не твой – хоть ты вой,
Хоть ставь кормушку-приманку.
Дон разлился морем по колено,
Пей сама, пей до дна,
И купи мороженце
Младшей поколенце.
Вырастет большой,
Вырастет горой,
Тебе лакомство вспомнит.
Мама-мама,
Муж – не-амор, а мор,
Неблагородный дон – знает весь район,
Не-свой – его бы под конвой,
Хоть ставь заборчик-проволочку.
Дом развалился мамой на кусочки,
Пью сама, пью до дна,
И куплю ботиночки,
Любимому скотиночке.
Вылетит другой,
За чужой женой,
Ни тебя, ни Галеньку не вспомнит.

Семён Кожин. Якиманский переулок. Церковь Иоанна Воина. Москва. Осень. 2004

Потоп

У Гали-горы зазвенело в бедре во время расстановки товара. Новости: мама – за Бога сработала, сотворила потоп. Галя потопала к администратору зала – отпрашиваться правдой: управдом сказал, что мама вроде создателя – смыла живых людей. Администратор ступал важно, министром или Людовиком Четырнадцатым, товары, полки – золотые канделябры, парики, зеркала. Повелеваю и разрешаю, ибо гипермаркет – это я.

Мама – раздавленная ягода, улыбалась ну-да-вот-так-вот-дочкой. На гору кинулась русалка-соседка с плечами в мокрых волосах. Русалка-ругалка орала на Галю-гору, получая эхо. Оставила хозяйничать мать-алкоголичку, которая оставила кран! Мама не то что Бог, она – Иоанн-креститель, Вареньку двух месяцев от роду, воду в колыбель пустила, а если бы кипяток?! Слыхали, село-пяток-домов-Давыдково, мама Гали-горы теперь Вареньки крёстная мать?! Оставила хозяйничать мать-алкоголичку, которая оставила кран! Второе дитё, в церкви крещёное – Луку семи лет, – чуть было не треснуло током из мокрой розетки. Оставила хозяйничать мать-алкоголичку, которая оставила кран! Кого заставить отдавать за новорождённый ремонт: потолки летящие, пол-стелящийся ногами-любимый, мебель-дерево на заказ?! Русалка ревёт, плачет сиреной. Прокляну-наколдую. Галя-гора молчит, эхо копится, твердеет, кусками сыплется. Мать-раздавленная ягода, улыбается. У русалки когти, красные глаза, сейчас-сейчас вцепится, утащит сейчас к себе в пучину на пятый этаж, раздерёт на куски и поминай, как звали. Галя-гора.

Полубог

Два шажочка недотягивал до Бога. Первый: вымок в потопе, от него не спасся (целый Бог, неполовинчатый, бы спасся), рубашка мокрая под пальто и джинсы мокрые до щиколоток. Второй: женатый. Откуда у Бога жена? Дети – куда ни шло, не жёны ж. Запыхался – Луку и Вареньку к бабушке на семейной машине. Часто дышит, кадык пляшет, венка на шее бьётся. Жену Дашу успокоил одним движением. Русалку-ведьму смыло, осталась красавица. Всех рассадил в комнате, как садовник. Гали-горы маминой неуборкой не побрезговал. Говорил, спрашивал, чудо творил: мама сделалась трезвой и приятной, и гора сама обрела дар речи. Расцвели.

Полубог – видит не всё, но многое. Понял, какие соседи люди, ничего-не-взять люди. Им старший ничего и не дал, чтобы отнимать. Понял и простил. Бог прощает, и Полубог прощает. Из вежливости, из формальности, из любви к жене: про работу, краны, сантехника. И тех успокоил, и Дашу. Все отдышались, успокоились, как будто и горя не знали. Мама учуяла, что прощены. Даша догадалась – поблагодарила судьбу за мужа. Галя учудила-попробовала улыбку, горы говорят, горы улыбаются. Она сразу узнала Полубога, что тут неясного. Глаза ясно-византийские, с икон, язык грамотный, радостью светится, красоты небесной.

Разговор

Мама: Ты чего?
Галя: Ничего. Я – начинаюсь.

Начало

Начинка из любви – главного концентрата жизни. Начало Гали. Нечаянное рождение, праздник Рождества. До Полубога Галя – гора, после Полубога – человек. Любяще-дышаще-понимающий. И что теперь делать человеку?

Могла бы организовать себе мающееся счастье. Переехать к маме. Терпеть

перечень её бутылок, воней (вон отсюда, если тебе пахнет!) и скандалов. В кандалах обязанностей, оскорблений и забот. Зато близко к Полубогу. Полуслучайная лестница, полувыглядывания в окна. Лечь на линолеум, различать шаги и речи. Гладить холодный линолеум. Ладить с растущими детьми и даже Дашей. Через десять лет научиться здороваться с Полубогом небормотанием. Обменяться с матерью комнатами через сто тысяч ругательств и слушать, как стонут по ночам в спальне. На пальцах считать дни до окончаний отпусков и на память полубожьи – седые волосы. И душу отдать одним днём с Полубогом. Счастье же? Наивысшее, наибольшее, наитяжелейшее счастье для Гали-горы.

Но где это видано, чтобы горы жили над богами, даже над полубогами; и даже после-горы – новорождённые люди? С такой любовью – даже отдельно от Полубога дышать можно. Разве ж это отдельно, когда на одном свете, под одним солнцем?

Снова разговор

Телефон: Дзын-дзын-дзынь! Дзын-дзынь-дзынь!

Светка: Привет. Настроение ужасное. Телефон расколола. Пойдём в кино? Меня пригласили.

Галька: Нет.

Светка: В смысле?

Телефон: Пинь-пинь-пинь…

После

Гора распалась на гальку. Гальке омываться морем любви и скитаться на волнах по миру. Нет, вначале, после Начала – Галька всё расставляла товары на полке, тряслась в маршрутке-холодильнике, перемигивалась с зеркалами, щупала своё тело. Когда весна заёрзала на улице, сосед-бука, подмосковный ИП, вдруг спросил Гальку, отчего она четыре дня не ела – на кухню не ходила, сидела в комнате как прикованная. Уволили или ещё что? Галька, глядя на лилию на календаре за спиной спрашивателя, ответила, что забыла есть и ходить на работу.

Одним мартовским четвергом, когда черти почёсывали копытца и подслушивали пятничные планы через алюминиевые кружки (бывшая гора их не интересовала, у неё, по их разумению, была тухло-зевотная жизнь), Галька сделала круг по своей комнате, оделась, посмотрела в затылки и лбы соседей в коридоре-и-кухне – только ИПэшник дёрнул шеей в порыве повернуться – и вышла из квартиры. В арке двери Галька зацепилась завязкой за ручку – трёшка-вредина не отпускала или куртка-трусиха не желала покидать квартиру из-за предчувствий, что уже не вернуться. Галька дёрнула край куртки раз – ничего, дёрнула два – шмотка скрипела молнией-зубами-сражалась, дёрнула три – завязка порвалась в протёртыше. Всё – совсем народилась – перерезала пуповину.

Чудо-юдо

Гора распалась на гальку. Галька морем любви омывается и скитается на волнах по миру. Любви-не-морем-даже – океаном. Он повсюду: внутри-снаружи. Чудо-юдо рыба-любовь. И рыба, и вода – в одно время. Полощет сердце, матку, мозги и всякое другое. Полощет-ласкает, явит Полубога и всю всесветную любовь, вместе взятую. Оттого тепло, смело и сытно.

Галька – галька скитающаяся. Не ест, не пьёт ничего, кроме дождевых капель (попавших случайно в рот), не испражняется, не потеет, не грязнится почти – правда-ложь – так свидельствовали видевшие её. Двое – галько-свидетелей пытались привести-прикрепить её в церковь, чтобы уберечь. Юродивые – они же при церкви часто. Юродивые, это кто? С Юрой родные? Полубога Юрием звали, если что. Галька ещё пуще теперь рыбой молчащая неожиданно: зачем мне, когда такая любовь?

Полубог первые секунды просыпания мял пустыню во рту и давался-диву, вспоминал снившуюся Гора-девицу, соседкину-дочку, мажущую грязью на стенах надписи. Жалел, что нет рядом ручки, чтобы записать текст. Ревнивые ресницы сонной жены попали в глаза Полубогу, и Гора-пишущая-девица проваливалась на дно памяти. Качал Вареньку, напевал колыбельную-самоделку, вылетали из полубожьих уст настенные строки. Пел – сам удивлялся. Пел и держал Гальку в глазах, а потом заново падал в дочкины синие.

Настенные песни Гальки в исполнении Полубога

1.
Женщина-гора,
Горит дотла,
Оравой смыслов,
Пепел – коромыслом.
2.
Явь не трону,
Без урона,
Отломлю кусочек сна,
Что у краешка утра.
3.
Поклоны бью,
Тебя люблю;
Целовал бы
Лоно, локоны,
Муки вокруг до около.
4.
Бог – один,
Разобралась,
Полубог – один,
Разобрали.
5.
Доброе утро, доброе,
Чувство внутриутробное,
Чудо внесоборное,
Лавина моя горная,
Сыплешь и славишь,
Я начинаюсь,
Я просыпаюсь.
Любовь.

Другие ещё не приснились, но уже Галька старается.

Счастливо

Мать очнулась, кинулась искать Гальку, много куда ходить, чтобы плакать, просить и ругаться. Галько-свидетели протоколили свои с Галькой полувстречи. Вроде она – вроде нет, вроде утро – вроде вечер, вроде пела – вроде молчала, вроде мазала стену – вроде танцевала с воздухом. Мать вылезла из запоя вброд, потом и вовсе выкарабкалась. Заходила в церковь и полюбила полубожьих детей, особенно Луку, дарила ему кораблики из берестяной коры. Плакала, что чуется как родной внук, которого Галька не родила.

Светка в двадцать-восемь-лет-пять-месяцев-девятнадцать-дней вступила замуж в недостаточного жениха из волчьей стаи, что шутила над горой. Выносила двойню, выбросила лестницу. Лестницу взял Толя – новый работник зала, раб гипермаркета вместо Гальки. Нагорная комната сдалась помощнице ветеринара Венере, и её Рома вынес многоликое зеркало на свалку.

Где Галька-галька, бывшая Галя-гора, одному Богу известно. Дышит-бродит – и оттого нам – то неплохо, то счастливо.

Всероссийский литературный фестиваль „Русские рифмы“

Он является ключевым событием для молодых поэтов современности. Он содействует возрождению поэтической культуры в России, формированию профессионального литературного сообщества страны, поддерживает творчество молодых авторов, а также повышает общественный интерес к современной литературе.

К участию приглашаются молодые авторы в возрасте от 18 до 30 лет, которые желают заявить о себе и поделиться своим творчеством со всем страной. Подать заявку можно на сайте АИС «Молодёжь России»: ais.fadm.gov.ru. Для успешной регистрации необходимо прикрепить текстовый файл с текстовый файл с авторским произведением.

Важно, что в 2017 году участниками могут стать не только молодые поэты, но и прозаики: в рамках фестиваля пройдут два конкурса: «Русские рифмы» и «Русское слово». Каждый из них включает в себя несколько номинаций и проходит в три этапа: отборочный, очный и финальный.

В этот раз поэты и прозаики свободны в выборе работы, которую отправят на суд аудитории. Военно-патриотические, социальные, любовные, философские произведения, басни, малая и большая прозы, очерки и другие жанры – все в ваших руках!

Во второй тур пройдут лишь 70 участников, которым нужно будет до 9 октября отправить на почту rusrifmy@rospatriotcentr.ru ссылку на видео, загруженное на youtube.com, где автор исполняет своё произведение или отрывок из него. Отметим, что на официальном сайте роспатриотцентр.рф будет организовано открытое зрительское голосование за эти ролики.

В финал выйдут по три человека в каждой номинации согласно решению экспертной комиссии и по одному по итогам мнения посетителей интернет-ресурса – всего 36 самых талантливых молодых людей. Кроме того, к торжественному мероприятию присоединятся участники конкурса «Русские рифмы. Дети».

Фестиваль проводится в рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Организаторами выступают Федеральное агентство по делам молодёжи и Роспатриотцентр.

https://ais.fadm.gov.ru/

ЛИЦЕЙ: ФИНАЛИСТЫ

Карманный хлеб

Григорий Медведев

* * *

Самое время по пояс кариатиде
Андрей Белый

Две дубовые балки
держат над головой
потолок этот жалкий,
уголок родовой.

На покатые плечи
русских кариатид
он возложен – далече
им идти предстоит.

Неподвижные брёвна,
тот же вид за окном,
но я вижу подробно,
что уменьшился дом.

Убывает как будто
за хозяином вслед,
потому – ни уюта,
ни тепла уже нет.

Сёстрам время по пояс,
они пробуют вброд,
не загадывай, кто из
них первой дойдёт.

Не утонут, не канут,
если время – вода, –
вровень с мрамором встанут
и теперь навсегда.

Я один из последних
провожаю их вдаль,
не жилец, не наследник,
да и гость тут едва ль.

* * *

Ну, да, плоховато жили,
но хлеба к обеду нам вдоволь ложили.
И в школьные наши карманы,
как в закрома,
от Родины крохи
падали задарма.

Ну, да, широко не живали,
но хлеб из-под парты жевали –
вприкуску с наукой пресной
и затяжной –
вкуснейший, здесь неуместный
мякиш ржаной.

Я надевал в десятый
топорщившийся, мешковатый
пиджак (надевал и злился,
всё ждал, когда дорасту),
в котором отец женился
в 83-м году.

И где он теперь забытый,
с крошками за подкладкой?
Такой у меня вопрос.
На уроках украдкой
хлебом карманным сытый –
отца я не перерос.

Ломоносов

Солнце ходило по небу, как блесна,
тучи глотали его, и была весна.
А Ломоносов – рыб знаток и светил –
бронзовым взором
окрестности обводил.
Детища своего отвернувшись от,
отдохновенье обрёл сочинитель од.
Что ж, я Михайле
повинной кивнул головой
и восвояси отправился с Моховой.
Тьма обступала город со всех сторон.
Был я отчислен, но счастием одарён!
Так распадалась жизнь на неравные две.
Змейкой кружила майская пыль
по Москве.
В будущее несло меня кувырком,
гром провожал архангельским говорком.
Я оглянулся кованых подле врат,
привкус свободы и пыли был горьковат.

* * *

То, что войной считалось, –
в сорок пятом осталось.

А если где-то стреляли,
если десант и разведка
кровавили каски, разгрузки, –
по-другому именовали,
по-русски,
но войной называли редко.

Помнили ту, большую,
роковую, пороховую,
на безымянных высотах
священную, мировую,
её батальоны и батареи.
А этих старались забыть скорее,
напрасных своих «двухсотых».

* * *

Хорошо созревает рябина,
Значит, нужен рябинострел,
чтобы щёлкала резко резина
и снарядик нестрашный летел.
Здесь удобное мироустройство:
вот – свои, а напротив – враги;
место подвигу есть и геройству,
заряжай и глаза береги.
Через двор по несохнущим лужам,
перебежками за магазин –
я теперь не совсем безоружен,
я могу и один на один.

Дружным залпом в атаке последней
понарошку убили меня,
и всё тянется морок посмертный
до сих пор с того самого дня.

* * *

Выпусти пса на детской площадке,
где ржавая горка, песок, качели,
турник, чьи низкие стойки шатки.
Листья почти облетели.

Это даже не середина жизни
и вокруг не лес, а гнильца, болотце;
подойди к перекладине и повисни,
подтянись,
пусть сердце сильней забьётся.

Бывшим школьникам тонкокостным
перед кем запоздалым
успехом хвастать?
Но вдыхая жадно октябрьский воздух,
всё упорствуешь: девятнадцать,
двадцать...

Подростковая в общем-то зависть, обида,
только зря – не разверзнется клумба,
и герои дворовые из Аида
не восстанут в час твоего триумфа.

* * *

Научись дышать пустотой.
Это отныне твой дом родной.
Что-то подобное пел БГ,
а ты ему подпевал.
Выглядело смешно.

Тогда ещё не сдавали ЕГЭ
и кассетник плёнку жевал.
Это время уже прошло.

В новом времени, в пустоте,
песенок нету, а наши – те –
превращаются в белый шум.
Он идёт-гудёт,
он идёт-гудёт.
Никаких не наводит дум.

* * *

Я смотрю из окошка трамвая,
как вторая идёт моровая,
и моя поднимается шерсть.
Братец жизнь меня учит
и братец смерть.
Я котёнок с улицы Мандельштама.
Отвези меня, мама,
в Ванинский порт,
брось во терновый куст,
будто чучелко смоляное.
Только б не слышать косточек
гиблый хруст
и всё остальное.

* * *

Яблоня плодоносит лет пятьдесят,
если хватает сил.
Мой дед, посадивший сад,
его уже пережил.
Мы вдвоём в запустелом сидим саду,
август, трава ничком.
Поднимаю и на скамейку кладу
антоновку с битым бочком.
Дед выпрямляется, гладит кору
яблонь, кора жестка.
Верю, приговорённые к топору,
они узнают старика.
Жалко тебе их? Кивает: да.
Ветер доносит дым.
Он всё понимает и смотрит туда
куда-то. И мы молчим.

* * *

Как будто выморгал соринку
и, с оптикой, другой от слёз,
впервые поглядел всерьёз
сюда. И всё тебе в новинку.
Уже, смотри-ка, дуб зазеленел,
и комариный князь Болконский
зазвенел,
и братья муравейные сутулясь
шагают среди трав своих и улиц.
Оставь тяжеловесную печаль.
Она здесь устарела, как пищаль,
и через раз грозит осечкой.
Не бойся: нас и так прикроют, защитят
те, что в осоке медленно шуршат
и, легкокрылые, висят над речкой.

* * *

С возвышенья, с холма
я вижу школу, дома,
близкие купола,
низкие колокола,
серые небеса.

Если закрыть глаза,
здесь XVII век:
только шуршащий снег,
лай, перепалка ворон,
ветер и перезвон
сверху один для всех.

Неспокойный весьма
век – всё смута, резня;
заметай-ка, зима,
и его, и меня.

* * *

Ну что, поговори со мной,
моя печаль, моя попутчица.
Попотчуй песенкой простой
о том, что счастья не получится,
привычную свою пропой.

Я трудно, хорошо живу,
надеждами себя не балую.
Поскольку осень здесь – листву
таджики поджигают палую.
Белёсый дым слегка горчит,
и дождь ладонью многопалою
в такт старой песенке стучит.

* * *

Жил каждый день,
но почти ничего не помню
из того времени – только,
как после звонка
вошла и, на нас не глядя, сказала:
«Ночью
Миша наш умер»
учительница Валентина
Егоровна, и закрыла лицо руками.
Неправда – второклассники не умирают.

Не успев таблицу доучить умноженья,
ни Родную – учебник синий –
речь до конца
освоить, ни с машинами
вкладыши Turbo
и Bombimbom целиком собрать,
третью четверть,
самую долгую, не пережил он. Через

день или два повели
нас всех попрощаться.
Было начало марта. Мы входили туда,
к нему. Какие-то причитали старухи.
Миша лежал, не похож на себя,
я видел,
на лбу у него капельки пота и веки

слегка приоткрытые.
Мне не было страшно –
было неправдоподобно всё это; когда
его мать заголосила:
«Воскресни, сынок,
воскресни!»
я наконец-то заплакал: второ-
классники умирают.
Неба, деревьев, птиц –
многого, многого он не увидит больше.

Лошадь тащила его по мёрзлому полю
почти километр,
пока он в стремени бился.
Похоронили Мишу на родине –
в Курской,
кажется, области или Орловской,
не здесь.

Долго я, до конца весны,
всё думал о нём:
что за сны ему снятся,
видит ли он меня?
Но стал забывать, когда наступило лето
с насекомым царством своим
и муравейным
братством, с крыжовником,
с яблоками такими,
каких у нас не случалось ни до,
ни после.